

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT
№1

Scientific quarterly

Moscow 2025

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 1

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2025

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф.

Е.В. Барышева, д-р ист. наук, доц.

Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.

Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, д-р ист. наук, проф., *В.И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф.

Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф., *В.А. Колотаев*, д-р филол. наук, проф.

Н.Л. Лене, канд. физ.-мат. наук, доц., *С.Ю. Неклюдов*, д-р филол. наук, проф.

О.В. Павленко, д-р ист. наук, проф., *Н.В. Ростиславлева*, д-р ист. наук, проф.

И.С. Смирнов, канд. филол. наук, *А.А. Столяров*, канд. ист. наук, доц.

П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, гл. ред., д-р ист. наук, доц.

И.П. Азерникова, канд. ист. наук, доц.

П.А. Алипов, канд. ист. наук, доц.

Ю.Г. Бит-Юнан, д-р филол. наук, доц.

Н.А. Комочев, канд. ист. наук, доц.

Е.А. Косован, канд. ист. наук, доц.

И.С. Курилович, канд. филос. наук, ст. науч. сотр.

Н.В. Петров, канд. филол. наук, доц.

Н.А. Филин, д-р ист. наук, доц.

Ответственный за выпуск

Н.Е. Соничева, канд. ист. наук, доц.

Э.С. Сокрутницкий, аспирант ФАД ИАИ РГГУ

Содержание

Арктика в лицах: документы

Российского государственного архива экономики

Н.Е. Соничева

Студенческий проектный научный коллектив «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики»: к истории деятельности 9

Д.В. Колесниченко

Освоение Арктики в свете первых советских зимовок: пример из экспедиции под руководством Арфея Ивановича Минеева 13

С.А. Пешехонов

Становление полярного капитана: к биографии Л.К. Шар-Баронова 21

С.В. Злодеева

Арктический исследователь А.М. Лавров (1887–1942) Биографический очерк 26

История России в источниках

по истории общественно-политической мысли

В.Ю. Пегов

Аграрный вопрос в России начала XX в. в газете «Московская неделя» 33

Т.В. Картавых

Развитие советской военной теории в творческих материалах красных командиров 42

История Латинской Америки глазами молодых исследователей

Т. Альмейра Хиль

Рок-музыка и ненасильственное сопротивление
военной диктатуре в Аргентине (1976–1983 гг.) 49

Издательский портфель

М.А. Мухина

Отражение идеи обобществления быта
в конструктивизме 1920–1930-х гг. 56

Abstracts 66

Сведения об авторах 69

Contents

The Arctic in personalities: documents of the Russian State Archive of Economics

N.E. Sonicheva

Student project researchers' team "The Arctic in personalities:
documents of the Russian State Archive of Economics":
to the history of activity 9

D.V. Kolesnichenko

Arctic exploration in the context
of the first Soviet wintering expeditions: an example
of the expedition led by Aref Ivanovich Mineev 13

S.A. Peshekhonov

Becoming a polar captain:
to the biography of L.K. Shar-Baronov 21

S.V. Zlodeeva

The Arctic explorer A.M. Lavrov (1887–1942).
Biographical note 26

History of Russia in sources on the history of social and political thought

V.Yu. Pegov

Agrarian question in Russia at the beginning
of the XX century on the pages of the newspaper
"Moskovskaya Nedelya" 33

T.V. Kartavykh

The development of the Soviet military theory
in the creative materials of the red commanders 42

History of Latin America through the eyes of young researchers

Gil. T. Almeida

Rock music and nonviolent resistance to the military dictatorship in Argentina (1976–1983)	49
---	----

Publishing portfolio

M.A. Mukhina

Reflection of the idea of socialization of everyday life in constructivism of 1920s – 1930s	56
--	----

Abstracts	66
-----------------	----

Data about the authors	69
------------------------------	----

Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики

УДК 930(211)
ББК 63.1(00)

Н.Е. Соничева

Студенческий
проектный научный коллектив «Арктика в лицах»:
документы Российского государственного архива экономики»:
к истории деятельности

Статья посвящена анализу работы студенческого проектного научного коллектива «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики». На основе проведенного историографического исследования были выявлены лакуны в историко-биографических описаниях полярных исследователей 1930-х гг. и проведена архивно-эвристическая и научно-творческая работа по исследованию жизненного пути А.И. Минеева, Л.К. Шар-Баронова и А.М. Лаврова.

Ключевые слова: Арктика, проектный коллектив, Ареф Иванович Минеев, Лев Константинович Шар-Баронов, Алексей Модестович Лавров

Современное понимание необходимости дальнейшего развития Арктики невозможно без обращения к истории ее освоения. С одной стороны, существует много работ по основным героям-полярникам, созданным как в СССР, так и написанным в последние годы. С другой стороны, далеко не все исследователи арктических экспедиций по праву заняли свое почетное место в истории. Поэтому современные историко-биографические исследования, основанные на архивных документах, являются важным шагом к написанию наиболее полной картины освоения арктических просторов нашей страны.

В связи с этим вполне объясним интерес к теме истории арктических исследований и со стороны студентов Историко-архивного института РГГУ. В рамках научных исследований был создан студенческий научный проектный коллектив «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики», задачей которого

стало выявление персоналий полярных исследователей 30-х гг. XX в., чьи биографии до настоящего времени были не раскрыты. Российский государственный архив экономики содержит в своих фондах достаточное количество архивных материалов, позволяющих восполнить пробелы в жизнеописании героев Арктики.

Начальным этапом работы проектного коллектива стала систематизация арктических исследователей 30-х гг. XX в. на основе фундаментального справочника – тематического тома второго (расширенного и дополненного) издания «Арктической энциклопедии»¹, выпущенного специализированным издательством «Паулсен» под научным руководством Русского географического общества, в частности А.Н. Чилингарова и Ф. Паулсена. На текущий момент указанное издание можно считать наиболее полным и квалифицированным сводом сведений по отечественной истории открытий и освоения Арктики. В результате оказалось, что из 105 человек, чьи имена были отражены в энциклопедии, большую часть составляют представители авиаторов – пилоты, штурманы, бортмеханики. Оставшуюся половину представляли полярные капитаны, руководители экспедиций, зимовщики, ученые, корреспонденты газет.

Следующим этапом работы группы стал анализ современной историографии. Проведя историографические изыскания, проектный коллектив выяснил современное состояние изученности биографий полярных исследователей. Оказалось, что в поле зрения исследователей в основном попадали руководители экспедиций [Корякин 2011; Бурлаков 2022, с. 98–141], четверка «папанинцев» [Бурлаков 2022], и, конечно, полярные летчики, совершавшие беспосадочные перелеты через Северный полюс и участвовавшие в спасении «челюскинцев»² [Амирьянц 2019; Бурлаков, Шишкин 2017; Остапенко 2010; Якубович 2012]. Лишь несколько работ были посвящены полярным капитанам [Кузнецов 2014; Кузнецов 2022]. И конечно, остальные участники арктических экспедиций, даже при упоминаниях в современной историографии, не были хорошо представлены с точки зрения историко-биографических сочинений.

Основной целью работы группы было изучение и введение в научный оборот ранее неизвестных документов, освещающих жизнь и деятельность героев-полярников советских арктических экспедиций.

¹ Арктическая энциклопедия. История исследования и освоения. М.: Paulsen, 2017. 238 с.

² Чкалова В.В. Первопроходцы: К 80-летию беспосадочного перелета экипажа самолета АНТ-25 Героев Советского Союза В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова 18–20 июня 1937 г. Москва – Северный полюс – Америка [архивно-документальная хроника]. Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2017. 78 с.

Историографический анализ подтвердил первоначальные предположения группы: биографии участников экспедиций еще не изучены достаточно хорошо. Сопоставление списков полярных исследователей с архивными фондами и имеющимися пофамильными составами экспедиций показало, что далеко не все были представлены широкому кругу читателей. Так, например, полярный капитан Л.К. Шар-Баронов не был отмечен в энциклопедии, несмотря на то что большую часть своей трудовой биографии провел капитаном арктических морей. Исходя из этого, группа сосредоточила свое внимание на персоналиях, чьи биографии еще не были раскрыты исследователями, а материалы хранятся в фондах Российского государственного архива экономики. Ими стали полярный исследователь Арэф Иванович Минеев³, капитан дальнего плавания Лев Константинович Шар-Баронов⁴ и гидрограф Алексей Модестович Лавров⁵. Все фонды содержат не только автобиографические сведения, но и иные материалы – рукописи докладов, статей, рабочих материалов, которые позволяют провести качественное историко-биографическое исследование.

В представленных ниже статьях раскрываются биографии указанных выше героев-полярников. В проведенном исследовании Д.В. Колесниченко был проанализирован архивный массив черновиков рукописи А.И. Минеева «Пять лет на острове Врангеля» и сопоставлен с выпущенной в 1936 г. книгой. В результате автор статьи делает логичные выводы о необходимости скорейшего закрепления территории острова Врангеля за Советским Союзом, для чего на зимовку была отправлена экспедиция, возглавляемая А.И. Минеевым. О степени подготовленности (а точнее – неподготовленности. – Н. С.) сам руководитель неоднократно упоминает в дневниках, сетуя на то, что далеко не все специалисты, отправленные в условия Крайнего Севера, могут выполнять профессионально свои обязанности и быть психологически устойчивыми. Собственно, и Сам А.И. Минеев не был ни ученым, ни полярным капитаном, и не имел предварительно соответствующей подготовки. Он скорее был хорошим партийным функционером, эффективным менеджером, который смог организовать научную работу зимовщиков на острове Врангеля. Д.В. Колесниченко удалось не только проследить путь А.И. Минеева от организатора зимовок до выдающегося ученого, но и раскрыть такие интересные моменты экспеди-

³ РГАЭ. Ф. 424. Минеев Арэф Иванович – полярный исследователь. 1900–1973 гг.

⁴ РГАЭ. Ф. 606. Шар-Баронов Леон Константинович – капитан дальнего плавания, полярник. 1904–1983 гг.

⁵ РГАЭ. Ф. 537. Лавров Алексей Модестович – гидрограф, полярный исследователь, контр-адмирал. 1887–1942 гг.

ции, как взаимоотношения с аборигенами, а также решение задачи сбора пушнины для советского правительства.

Статья С.А. Пешехонова построена на реконструкции биографии полярного капитана Леона (Льва) Константиновича Шар-Баронова. Особое внимание автор уделил вынужденной зимовке в Гыданском заливе 1931–1932 гг. Работа с архивными документами показала, что под началом Шар-Баронова в составе команды были зачастую совсем не подготовленные люди, что могло привести к катастрофическим последствиям. Тем самым автор статьи подтверждает тезисы Д.В. Колесниченко о слабой профессиональной подготовке многих членов полярных экспедиций.

Статья С.В. Злодеевой посвящена биографии картографа, гидрографа, инженера, контр-адмирала Алексея Модестовича Лаврова. Свою полярную деятельность он начал еще с дореволюционного периода на ледоколе «Таймыр» (1911–1915 гг.), а в советское время уже руководил Карской экспедицией (1926 г.) и поисковой операцией по спасению дирижабля Умберто Нобиле. В 30-х гг. он уже был организатором Всесоюзного арктического института и продолжил гидрографические изыскания в северной части Карского моря.

Все представленные статьи выполнены на материалах архивных документов, большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. В заключение следует отметить, что дальнейшее изучение биографий полярников на базе РГАЭ имеет хорошие перспективы и будет продолжено.

Литература

- Амирьянц 2019 – *Амирьянц Г.А.* Четыре жизни Г.Ф. Байдукова. М.: Кучково поле, 2019. 520 с.
- Бурлаков, Шишкин 2017 – *Бурлаков Ю.К., Шишкин Ж.К.* Двойной портрет на фоне Арктики и АЛСИБа (М.И. Шевелев и И.П. Мазурук). М., 2017.
- Бурлаков 2022 – *Бурлаков Ю.К.* Папанинская четверка: взлеты и падения. М.: Paulsen, 2022. 248 с.
- Корякин 2011 – *Корякин В.* Отто Шмидт. М.: Вече, 2011. 412 с.
- Кузнецов 2022 – *Кузнецов Н.* Забытые герои Арктики: Люди и ледоколы. М.: Paulsen, 2022. 544 с.
- Кузнецов 2014 – *Кузнецов Н.* Полярные капитаны российского и советского флота. М.: Paulsen, 2014. 31 с.
- Остапенко 2010 – *Остапенко Ю.А.* Три загадки Сигизмунда Леваневского: Документальная повесть. Якутск: Бичик, 2010. 236 с.
- Якубович 2012 – *Якубович Н.В.* Чкалов. Взлет и падение великого пилота. М.: Яуза: ЭКСМО, 2012. 252 с.

УДК 930(211)
ББК 63.1(00)

Д.В. Колесниченко

Освоение Арктики
в свете первых советских зимовок:
пример из экспедиции под руководством
Арефа Ивановича Минеева

В данной статье автор на основе архивных материалов и одноименной книги А.И. Минеева «Пять лет на острове Врангеля» подробно рассматривает зимовку в период с 1929 по 1933 г., восстанавливает имена других членов экспедиции, обобщает биографию начальника острова Врангеля А.И. Минеева. Восстановлены лакуны в отношении повседневной жизни зимовки, особое внимание уделено взаимодействию зимовщиков и туземцев.

Ключевые слова: Ареф Иванович Минеев, Константин Михайлович Званцев, арктические зимовки, остров Врангеля, коренные народы Севера

В современной историографии трудов о биографии А.И. Минеева и руководстве зимовкой с 1929 по 1933 г. не так много. Например, в статье Д.В. Парыгиной об А.И. Минееве в краткой форме описывается история покорения Севера и необходимость организации экспедиций на дрейфующих льдинах [Парыгина 2020, с. 312]. В работе Е.Э. Шергалина [Шергалин 2023, с. 1389] упоминается не только биография А.И. Минеева, но и его жены В.Ф. Власовой, а также частично говорится о метеорологе К.М. Званцеве. Особое внимание акцентировано на способностях В.Ф. Власовой как орнитолога, детали экспедиции практически не упоминаются.

При этом за рамками научных работ остаются как рядовые члены, так и руководители ряда экспедиций, зимовок, дрейфующих станций и т. д. Одному из таких полярных исследователей и будет посвящена данная статья. Для того чтобы более подробно обратиться к одним из первых зимовок под руководством Арефа Ивановича Минеева, стоит прояснить, какие задачи советское правительство ставило для освоения Арктики.

© Колесниченко Д.В., 2025

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

15 апреля 1926 г. Центральный Исполнительный Комитет СССР издал Постановление «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Конкретные названия территорий в силу объективных причин обозначены не были, однако нормативный документ рельефно очертил географические границы: [объявляются территорией Союза ССР],

...расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианами тридцать два градуса четыре минуты тридцать пять секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом сто шестьдесят восемь градусов сорок девять минут тридцать секунд западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомиды в Беринговом проливе¹.

Именно в эти очерченные рамки входил остров Врангеля, более известный исследователям с XIX столетия. В 1926 г. под влиянием вышеупомянутого постановления ЦИК была проведена экспедиция на пароходе «Ставрополь» к острову Врангеля во главе с Г.А. Ушаковым. Данный шаг открыл важную страницу в изучении арктических территорий. К 1929 г. в зарубежной прессе, а именно в немецкой газете «Berliner Illustrierte Nachtausgabe», стали появляться тревожные сообщения о бедственном положении зимовщиков. По этой причине советское правительство приняло решение о снаряжении в навигацию в 1929 г. специальной морской экспедиции на остров Врангеля со следующими задачами: для упрочения и обслуживания советской зимовки, а также для надлежащего использования острова в промысловом и научно-исследовательском отношениях [Белов 1959, с. 386].

Зимовка под руководством Г.А. Ушакова позволила обобщить и внести необходимые, ранее неизвестные изменения на карту острова, но тяжелые климатические условия не всегда положительно сказывались на продуктивности, и прежде всего здоровье основной команды.

В 1929 г. на остров Врангеля фактически с новым коллективом пребывает А.И. Минеев. Задачи, поставленные перед вторыми зимовщиками, стояли следующие: разработка планов развития хозяйства острова; ведение научной работы; снабжение кораблей в навигацион-

¹ Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901761796> (дата обращения 14.10.2024).

ное время сведениями о состоянии метеорологических элементов и состоянии льдов у острова; ведение хозяйственной отчетности; работа по повышению уровня туземного (туземцами называли завезенных на остров эскимосов и чукчей. – Д. К.) острова населения². Экспедиция была организована Народным комиссариатом путей сообщения и Акционерным Камчатским обществом (далее – АКО). Общее руководство было возложено на Арктическую комиссию. Стоит отметить, что правительство поручило АКО обеспечить экспедицию необходимыми товарами и продуктами, строениями и мореходными средствами с расчетом на пять-шесть лет.

Новый начальник острова Врангеля был скорее отличным партийным организатором, чем научным работником в условиях Крайнего Севера. Ареф Иванович Минеев родился 6 ноября 1900 г. в деревне Николаевка Саратовской губернии и происходил из семьи крестьян³. Позднее его родители устроились на Андреевский завод в г. Коканде, где первое время также работал Ареф Иванович. Последствия революционных потрясений 1917 г. способствовали становлению А.И. Минеева как партийного сотрудника: в августе 1918 г. Ареф Иванович вступил в Кокандскую организацию РКП(б) и занял пост секретаря. В 1920 г. был отправлен на краткосрочные курсы Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, но недоучился и продолжил свою трудовую деятельность на Польском фронте в качестве следователя Особого отдела 1-й Конной армии. После Гражданской войны А.И. Минеев по состоянию здоровья (из-за тяжелого ранения) не занимался строевой подготовкой, а заведовал агитационной частью в Ташкентском комсомоле. Назначению начальником зимовки на острове Врангеля предшествовал перевод на Дальний Восток, в аппарат Крайкома партии заведующим отделением пропаганды. Карьерный сценарий А.И. Минеева вполне традиционный для тех лет, образование, полученное в стенах коммунистического университета, не давало определенного научного опыта, необходимого на острове Врангеля. Несмотря на это, А.И. Минеев в ходе зимовки проявил себя как практичный организатор, что позволило ему в дальнейшем развивать арктический интерес: с 1935 по 1938 г. А.И. Минеев стал директором Института народов Севера; с 1947 по 1952 г. – заместителем технического совета Главного управления Северного морского пути⁴. Административная работа вполне удачно вписалась в научную стезю: в 1954 г. А.И. Минеев успешно защитил диссертацию и получил степень кандидата географических наук, написал две научные работы

² Минеев А.И. Пять лет на острове Врангеля. Л.: Молодая гвардия, 1936. 136 с.

³ РГАЭ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

⁴ Там же. Л. 106.

свыше 74 печатных листов⁵. К примеру, «Арктика в кривом зеркале», «Песец на острове Врангеля», «Енисейская операция» и др.⁶

Сведения о других участниках зимовки можно найти также в архивных документах фонда личного происхождения А.И. Минеева РГАЭ⁷. В экспедицию было разрешено поехать с семьей, поэтому А.И. Минеев поехал вместе с женой В.Ф. Власовой. Остальные члены – К.М. Званцев (наблюдатель метеорологической станции), Ф.Т. Шатинский и В.Ф. Богатов – радисты, Н.Е. Синадский – врач и повар Петрик: всего семь человек. Стоит отметить, что специального отбора на остров Врангеля для рядовых сотрудников в первые годы зимовок не существовало, соответственно должностные обязанности не всегда можно было проверить на материке. Так, повар Петрик на самом деле не в полной мере владел кулинарным искусством, а радисты часто не могли наладить связь с материком. Кроме того, эмоциональная окраска или психологический климат группы часто сталкивался с конфликтными и непростыми ситуациями. В частности, повар Петрик на второй-третий год зимовки фактически сходил с ума:

...к весне состояние Петрика значительно ухудшилось. Он все время оставался мрачным, неразговорчивым и очень часто с трудом понимал задаваемые ему вопросы⁸.

Физическое и эмоциональное состояние Петрика было напрямую связано с явлением полярной ночи: не каждый был подготовлен перенести подобные испытания. В дальнейшем состояние Петрика ухудшилось и его отселили в отдельное помещение, т. е. должностные функции он выполнять не мог и его обязанности передали другим членам экипажа.

К окончанию экспедиции врач Н.Е. Синадский также был отправлен на материк, поскольку, по мнению зимовщиков, не справлялся с возложенными на него обязанностями. В памятной книге А.И. Минеева «Пять лет на острове Врангеля» Ареф Иванович писал о том, что у врача не было опыта и должной практики с пациентами, в основном Синадский до экспедиции работал в лабораторных условиях.

Одним и, пожалуй, единственно подготовленным научным сотрудником был К.М. Званцев – метеоролог. Гидрометеорологическая станция была полностью снабжена аппаратурой и инструментарием, что частично компенсировало отсутствие ученых. Геологическое обо-

⁵ РГАЭ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

⁶ Там же. Д. 60а. Л. 97.

⁷ Там же. Ф. 424. Минеев Ареф Иванович – полярный исследователь. 1900–1973 гг.

⁸ Минеев А.И. Пять лет на острове Врангеля. Л.: Молодая гвардия, 1936. С. 201.

рудование было широко представлено – от геологического молотка до поляризационного микроскопа и шлифовального станка; биологический инструментарий с прекрасным иммерсионным микроскопом; геодезические приборы – от буссоли до секстана и теодолита⁹.

А.И. Минеев и В.Ф. Власова также старались вести научную работу. Благодаря собранной перед отъездом на остров библиотеке, была возможность получить необходимые знания для работы; кроме того, среди литературы, оставленной Г.А. Ушаковым, нашлось несколько инструкций Зоологического музея Академии наук СССР по сбору научных материалов. Так, В.Ф. Власова занималась таксидермией птиц и песцов, собирала образцы тундровой травы и цветов.

Освоение острова Врангеля сопровождалось добычей белых медведей, песцов, моржей, лахтаков, различных северных птиц, нерп с хозяйственной точки зрения. Архивные материалы (на основании фонда личного происхождения А.И. Минеева) не представляют сведения о подсчете убитых животных. Благодаря информации из отрывка газеты, хранящейся в РГАЭ (название уточнить не представляется возможным) удалось установить, что за пять лет на острове зимовщики заготовили для отправки на материк 600 шкур белого медведя, 2000 шкурок песца, тонну моржовой кости и две с половиной тонны клыка мамонта. В книге А.И. Минеева «Пять лет на острове Врангеля» можно найти следующую информацию:

...сопоставляя результаты промысла песцов за 8 лет, видно, что годовая добыча неодинакова. Были годы, когда промышлялось до 500 песцов, а были годы, когда промышлялось меньше сотни.

Стоит отметить, что описанные способы и примеры охоты весьма жестоки:

...чтобы не портить шкуру, песца душат, наступая ему ногой на грудь. Задушив песца, промышленник обязательно свяжет ему все ноги и уже тогда кладет на нарту. Без этой предосторожности случалось, что не совсем задавленные песцы, отдышавшись, удирали с нарты¹⁰.

Отношения с периодически завозимыми на остров Врангеля коренными народами севера (чукчами и эскимосами) складывались по-разному. В книге «5 лет на острове Врангеля» описывался удачный опыт взаимодействия с туземцами. Празднество 1 Мая было приурочено к сбору пушнины и сырья от чукчей и эскимосов. «Урожай» ценного сырья обменивался на продукты широкого потребления,

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 19.

который содержался на складах у зимовщиков. В вышеупомянутом издании говорилось, что туземцам показывали на радиостанции киноленты. Однако в архивных документах можно встретить более объективные фрагменты воспоминаний взаимодействия с коренными народами Севера. Для зимовщиков они представлялись «аборигенами той страны»¹¹. А.И. Минеев считал, что о «туземцах нечего было заботиться». По записям Арефа Ивановича можно утверждать, что коммуникация между зимовщиками и «туземцами» была напряженной: в частности, эскимосы и чукчи зачастую не понимали, что от них требуется, и не стремились соответствовать навязываемому идеалу воспитания советского человека. Зимовщики могли бороться с шаманами, поскольку они представляли эквивалент туземного врага – священника [Слезкин 2008, с. 262]. Одними из способов борьбы с шаманами были: лишение права голоса, бубнов, одеяний, ссылки. Применительно к острову Врангеля начальники использовали, к примеру, такие методы: Г.А. Ушаков «притворился чертом и посрамил шамана (согласно одному свидетелю, после этого случая эскимосы перестали верить в шамана)» [Слезкин 2008, с. 263]. Кроме того, зимовщики внедряли «культурные навыки» среди эскимосов: учили их умываться, шить, варить суп (а не употреблять в пищу только сырое мясо). А.И. Минеев и В.Ф. Власова, по их мнению, занимались странными обязанностями «с точки зрения горожан» на острове – так, например, принимали роды. Несомненной заслугой членов экспедиции считалось то, что ни один туземец на острове Врангеля не плевал на пол, не оставлял невымытых тарелок. Тем не менее один из ритуалов, совершаемый после поимки белого медведя – собирание даров для духа, чтобы в дальнейшем не возникало проблем с охотой – зимовщики планомерно пытались вытеснить из повседневности эскимосов. Однако все эти мероприятия не сокращали культурных различий между зимовщиками и аборигенами.

В ходе изучения архивных материалов удалось выявить следующую тенденцию: не все экспедиции подготавливались должным образом (в случае с врачом Н.Е. Синадским, который фактически не мог выполнять профессиональные задачи). Научная составляющая членов зимовки не была сильна, и им часто приходилось получать необходимые знания из лично собранной библиотеки. Профессиональной переподготовки на острове Врангеля тоже не проводилось, поэтому столкновения с такими явлениями, как полярная ночь и полярный день, давались членам зимовки наиболее сложно. Особенного знакомства на материке перед отправкой на остров не предусматривалось, именно поэтому рабочие отношения и психологический климат практически устанавливали с нуля, что могло мешать продвижению решения важных задач.

¹¹ РГАЭ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

Проведенное исследование позволило впервые четко определить задачи зимовки на о. Врангеля в период с 1929 по 1933 г. и выделить две наиболее важные. Они, по мнению автора, заключаются в следующем: во-первых, необходимость контроля острова Советским государством, что давало контроль над Северным морским путем и соответствовало идеологической политике партии; во-вторых, промысловая добыча (преимущественно шкурок песцов, белых медведей и пр.).

В подробной биографии А.И. Минеева, дополненной архивными документами, прослеживается карьерный трек от партийного сотрудника до преподавателя Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и кандидата географических наук. Не имея научного опыта, Ареф Иванович смог мобилизовать остальных зимовщиков, выработать необходимую дисциплину в жестких климатических условиях. Еще одной задачей предстоящих исследований является уточнение биографий членов экспедиции А.И. Минеева, упомянутых в данной статье. Так, например, К.М. Званцев, один из научных сотрудников – метеорологов, в дальнейшем возглавил первую комсомольскую полярную станцию на Таймыре, в годы Великой Отечественной войны служил летчиком.

Примечательно, что в тематической книге «5 лет на острове Врангеля» и в архивных документах можно найти отличия по отношению к туземцам (т. е. чукчам и эскимосам). В книге представления об идеализированном воспитании коренных народов Севера, пусть и временно завозимых на остров преувеличены. В большинстве случаев туземцы были предоставлены сами себе и вели обычный для них образ жизни, в которую активно вмешивались зимовщики с мотивацией уничтожить некоторые традиционные уклады (в частности, члены экспедиции не совсем понимали ритуальных церемоний и старались их искоренить).

Так или иначе, Советское правительство стремилось проводить организационную работу в освоении арктических территорий. На момент становления коммунистического государства политика развития отдаленных территорий не всегда последовательно развивалась. Первые зимовки могли быть укомплектованы из малого состава людей, безусловно, ответственных и самоотверженных, но отсутствие научного опыта могло разрушительно сказаться, к примеру, на достоверности метеорологических наблюдений в дальнейшем. Отдельного внимания в изучении подобного сюжета заслуживает история развития взаимоотношений зимовщиков и коренных народов Севера. Зачастую эти связи не соответствовали идеологизированной картине: не все чукчи и эскимосы следовали предъявляемым требованиям, многие из них, несмотря на нововведения в разделе воспитания советского человека, оставались преданными собственной самобытной культуре.

Литература

- Белов 1959 – *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. / Под ред. Я.Я. Гаккеля, М.Б. Черненко. Л.: Мор. транспорт, 1959. 509 с. (История открытия и освоения Северного морского пути / Аркт. и антаркт. науч.-исслед. ин-т. Глав. упр. Сев. мор. пути М-ва мор. флота СССР; Т. 3).
- Парыгина 2020 – *Парыгина Д.В.* Образ Арктики и Антарктики в дневниках и воспоминаниях полярных исследователей (по материалам фонда Президентской библиотеки) // Полярные чтения – 2021. Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии: Сб. материалов IX Междунар. научно-практич. конф. Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г. СПб.: Паулсен, 2021. С. 213–226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-arktiki-i-antarktiki-v-dnevnikah-i-vozpominaniyah-polyarnyh-issledovateley-po-materialam-fonda-prezidentskoy-biblioteki> (дата обращения 14.10.2024).
- Слезкин 2008 – *Слезкин Ю.* Арктические зеркала = Arctic mirrors: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
- Шергалин 2023 – *Шергалин П.А.* Полярник и натуралист Варвара Феоктистовна Власова (1900–?) // Русский орнитологический журнал. 2023. № 2290. С. 1389–1399. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarnik-i-naturalist-varvara-feoktistovna-vlasova-1900> (дата обращения 14.10.2024).

УДК 930.24(211)
ББК 63.1(00)

С.А. Пешехонов

Становление полярного капитана: к биографии Л.К. Шар-Баронова

Статья посвящена истории освоения Арктики на основе источников личного происхождения Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Статья описывает жизнь полярного капитана Леона Константиновича Шар-Баронова, его первые годы в Арктике, путь от курсанта до капитана.

Ключевые слова: Леон Константинович Шар-Баронов, Арктика, Российский государственный архив экономики, полярные плавания, зимовка в Гыданском заливе

История освоения Арктики с каждым годом становится все более актуальной темой, причем не только в научной среде, но и в кругу обычных читателей. Интерес к ней дополнительно подогревает стратегическая важность региона, а также действующие и создающиеся программы по его развитию. При этом, когда речь идет о личностях, в поле зрения исследователей и читателей чаще попадают крупные фигуры: О.Ю. Шмидт, «папанинцы», Г.Я. Седов, С.О. Макаров, Б.А. Вилькицкий, В.Ю. Визе. При этом даже руководители многих экспедиций, а также капитаны арктических судов и рядовые участники очень часто остаются без внимания. В их дневниках, статьях, отчетах и записках можно обнаружить множество ранее не известных аспектов истории изучения Арктики, значительно дополняющих картину этого процесса. Фонд полярного капитана Леона Константиновича Шар-Баронова относится именно к таким, малоизученным, но потенциально очень важным и интересным источникам.

Цель данной статьи: на основе документов фонда описать становление Л.К. Шар-Баронова как полярного капитана. Рассматриваемый период 1920–1930-х гг. – время активного освоения Арктики Советским Союзом.

© Пешехонов С.А., 2025

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Леон Константинович Шар-Баронов, армянин по национальности, родился 9 февраля 1904 г. в Тифлисе. Отец его был учителем в начальной школе, также подрабатывал составлением бумаг для неграмотных. Окончив гимназию в 1921 г. (8 классов) Шар-Баронов поступает в Батумское Военно-морское училище. 31 августа 1922 г. пароход «Камо», на котором четверо курсантов, в том числе и Шар-Баронов, проходили практику, затонул, подорвавшись на mine, оставшейся с Первой мировой войны. Действия курсантов во время происшествия были высоко оценены капитаном парохода и руководством училища¹.

В 1926 г. Шар-Баронов со свидетельством штурмана малого плавания закончил Ростовский морской техникум (в 1923 г. Батумское Военно-морское училище было расформировано). К этому моменту он уже несколько раз ходил на поморских судах в Арктике, куда по собственной инициативе каждый год отправлялся на практику.

Меня очень интересовал север и летом 1924 я приехал на практику на поморский парусник «Баклан» в Мурманск (матросом). Север и северяне мне понравились настолько, что в дальнейшем я остался, вернее связал свою жизнь с Мурманском и Архангельском² – пишет Шар-Баронов в автобиографии.

До декабря 1927 г. Шар-Баронов ходил матросом на нескольких судах, в том числе на ледоколе «Седов». Скопив достаточно денег, он поступил в Архангельский Морской техникум на 4-й курс вечернего отделения. Параллельно с учебой продолжил ходить в море, в том числе в должности 3-го штурмана на экспедиционном судне «Персей», на котором участвовал в поисках пропавшей экспедиции итальянского воздухоплователя и полярного исследователя Умберто Нобиле (экспедиция на дирижабле «Италия»)³.

Весной 1929 г. Шар-Баронов закончил техникум, но неудачно:

Перед самыми выпускными экзаменами, какими-то клеветниками был написан на меня донос, что в прошлом я сын польского помещика, б. морск. офицер царского флота, пытающийся пролезть во флот через морской техникум.

К экзаменам я допущен не был без всяких объяснений⁴.

«Бывшему офицеру царского флота» в 1929 г. исполнилось 25 лет... Подозреваю, что поводом для доноса стал уже имевшийся довольно большой морской опыт Шар-Баронова, благодаря своему энтузиаз-

¹ РГАЭ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 1–7.

⁴ Там же. Л. 9.

му походившему к тому моменту на большом количестве судов, начиная от поморских парусников и заканчивая ледеколами. Подобного опыта, как мы впоследствии увидим, не было даже у некоторых капитанов. При этом, по всей видимости, Шар-Баронов был на хорошем счету у преподавателей техникума (как минимум у некоторых), так как по рекомендации одного из них (по совместительству заместителя начальника Совторгфлота), Н.Н. Пескова, он был зачислен на только что купленное зверобойное судно «Зверобой» старшим штурманом.

На зверобойных судах Шар-Баронов быстро проходит путь от штурмана к исполняющему обязанности капитана, затем и к капитану. В 1931 г. он наконец заканчивает обучение (уже в Ленинграде), сдает экзамены и получает свидетельство штурмана дальнего плавания. В этом же году (в возрасте 27 лет!) его назначают «групповым морским капитаном» – по сути начальником экспедиции, в подчинении которого находятся несколько кораблей (со своими капитанами)⁵.

Одним из самых ярких событий этого этапа полярной карьеры Л.К. Шар-Баронова является вынужденная зимовка в Гыданском заливе 1931–1932 гг.

Суда под его командованием должны были завести грузы на факторию, расположенную вверх по реке Юрибей, но из-за позднего выхода, поломки одного из судов и погодных условий не смогли вернуться.

Фактория была далеко от места зимовки (35–40 км), труден был, по всей видимости, и сам путь⁶, однако условия проживания там были лучше, и поэтому большая часть моряков была отправлена туда. Иногда происходили смены состава, но в целом команда зимовщиков была более-менее постоянна⁷.

Под началом Шар-Баронова находились два неподготовленных к зимовке судна. Капитаны этих судов заслуживают отдельного внимания.

Соболевский Николай Иванович (имя и отчество Шар-Баронов приводит выдуманное, так как, по всей видимости, забыл подлинное), капитал «Аврала»:

Какого-либо морского образования он не имел.

В прошлом старшина катеров, затем боцман небольших портовых буксиров в Новороссийске, а впоследствии, как выражался он сам, за неосторожное общение со спиртным, поездка в Красноярск и капитанство на речных и портовых буксирах и шаландах.

⁵ РГАЭ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–11.

⁶ Шар-Баронов об этом не пишет напрямую, но сообщение между зимовкой и факторией было нерегулярными, например больных не перевозили на факторию.

⁷ РГАЭ. Ф. 606 Оп. 1. Д. 2. Л. 171–181.

Имея большой опыт работы в портах, он совершенно не имел ни познаний, ни опыта в морском судождении⁸.

Несколько утешало, что в прошлом он достаточно поплавал на портовых буксирах и поэтому с судном управлялся вполне прилично⁹.

На фактории капитан Соболевский из-за склонности к алкоголю попадает в зависимость к ее начальнику Зенону Зеноновичу Громадскому. Ради кружки спирта он готов

...под граммофонную музыку изображать из себя то балерину, то цирковую собаченку, наученную просить подачку... Соболевский ломался, дрыгал ногами задирая их в такт музыке, грациозно поддерживая при этом полы своего пиджака на подобие балерины, поддерживающей свою пачку. Далее он тяфкал собачим лаем и честно получал за свою верную службу добрую кружку спирта [Пешехонов 2024, с. 113–118].

Довольно предсказуемо, что молодой, полный хорошего энтузиазма капитан Шар-Баронов относился к происходящему на фактории резко отрицательно. «После одной из подобных сцен и страшной перепалки по этому поводу мы расстались с ним¹⁰ заклятыми врагами, врагами до конца зимовки»¹¹.

Вторым судном, «Ныдо-Ямо», командовал Бриф Михаил Валерианович –

...в прошлом неудачный артист провинциальных театров, затем незадачливый режиссер на вечерах самодеятельности в клубах, далее приезд в Красноярск с попыткой выехать куда-нибудь на отдаленную зимовку в Заполярье, потом Красноярские трехмесячные курсы судоводителей и по окончании их капитанство на м/б «Ныдо-Ямо»¹².

Бриф очень плохо ориентировался как на суше, так и на море. Через три года после зимовки он погибнет, заблудившись в тундре неподалеку от жилия [Пешехонов 2024, с. 116].

Зимовка проходила в крайне тяжелых условиях. Полярная ночь, суровые морозы, отсутствие нормальной пищи – вот лишь часть трудностей, с которыми пришлось столкнуться. Довольно быстро и на судах, и на фактории начинается цинга, от которой гибнут двое моряков. Команда ремонтировала суда, чистила их от снега, проводила замеры толщины льда. Шар-Баронов на регулярной основе проводил занятия по навигации, астрономии и т. д.¹³

⁸ РГАЭ. Ф. 606 Оп. 1. Д. 2. Л. 171.

⁹ Там же. Л. 170.

¹⁰ Громадским (примечание Пешехонова С.А.).

¹¹ РГАЭ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 2. Л. 191.

¹² Там же. Л. 176.

¹³ Там же. Л. 192–194.

Весной Шар-Баронов вместе с Брифом отправляются на восток залива с целью нанесения его на карту. Поход был тяжелым. Изголодавшиеся за зиму люди шли по тающему снегу, иногда по колено в воде, жили в самодельной палатке, температура внутри которой после выключения примуса не сильно отличалась от наружной. Единственного оленя по ночам приходилось охранять от полярных волков. Несмотря на все это, маршрутная съемка восточной части залива была успешно проведена. На карте появилось несколько новых названий, самые известные из которых мысы Черный и Астрономический¹⁴.

Стоит отметить, что никаких приказов на проведение этой экспедиции Шар-Баронов не получал (да и связи у зимовщиков с Большой землей не было). Это «белое пятно» на карте Арктики молодой капитан закрывал по собственной инициативе¹⁵.

Вскоре Шар-Баронов уехал на Дальний Восток, где ходил капитаном ряда рыболовных судов. В Арктику он вернулся в 1938 г., а в 1940 г. стал капитаном ледокола «Сталинград». На различных судах, ледоколах, пароходах и учебных, он проходил в Арктике до 1971 г. [Пешехонов 2024, с. 118].

Изучение биографии Леона Константиновича Шар-Баронова позволяет взглянуть на эпоху активного освоения Арктики (1920–1930-х гг.) с точки зрения рядового полярного капитана, что открывает новые аспекты для познания эпохи. Потенциал фонда личного происхождения очень велик и его дальнейшее исследование поможет лучше изучить историю покорения советской Арктики.

Литература

Пешехонов 2024 – Пешехонов С.А. Новые страницы истории Арктики: по источникам личного происхождения Российского государственного архива экономики (на примере Л.К. Шар-Баронова) // Источниковедение и культура: человек и окружающая среда: Сб. ст. по материалам студенческих науч. конф. Вып. III / Сост., отв. ред. Н.Е. Соничева. М.: РГГУ, 2024. С. 113–118.

¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 219–229.

¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 8.

С.В. Злодеева

Арктический исследователь А.М. Лавров (1887–1942) Биографический очерк

В данной статье представлена биография выдающегося гидрографа и полярника Алексея Модестовича Лаврова, который был активным участником множества экспедиций в XX в., направленных на изучение Арктики. Его жизнь и работа неразрывно связаны с исследованием этого поистине уникального региона, в развитие гидрографии и картографии которого он внес значительный вклад. Важным аспектом исследования является использование научных трудов и документов личного происхождения, которые сохранились в личном фонде ученого, находящемся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Привлеченные статьи, материалы экспедиций, в том числе дневники, рукописные биографии, карты, позволяют не только проследить его научные интересы и достижения, но и получить комплексное представление об экспедиционной, общественной и иной деятельности ученого. Работы А.М. Лаврова стали основой для дальнейших исследований в области изучения морей и рек, а собранные им данные до сих пор остаются актуальными для современных ученых. Он занимался не только научными изысканиями, но и как активный популяризатор науки способствовал распространению знаний об Арктике, о проводимых учеными научных исследованиях и их важности для развития отечественной и мировой науки. За свою непродолжительную жизнь А.М. Лавров успел принять участие в деятельности Арктической комиссии АН СССР, Государственного географического общества, Международного общества по изучению Арктики при помощи воздушного корабля и др. Таким образом, изучение личности Алексея Модестовича и его вклада в науку открывает новые горизонты для понимания истории арктических исследований и роли отдельных личностей.

Ключевые слова: А.М. Лавров, Арктика, полярные экспедиции, ледоколы, гидрографические исследования, РГАЭ

Арктика – регион достаточно суровых условий жизни, полный опасностей и трудностей, который до сих пор не изучен в полной мере. В XX в. с целью открытия и исследования новых земель было организовано множество экспедиций, участники которых осуществ-

вляли научную деятельность в разных областях по изучению ресурсов этого региона. Полярники – поистине храбрые люди, обладающие уникальными знаниями и опытом, жизнь и деятельность которых требует комплексного исследования с привлечением архивных документов как ценного и основного источника информации. Одним из таких активных покорителей Арктики был специалист по исследованию океанов, морей и рек Алексей Модестович Лавров. Несмотря на то что он стоит в ряду наиболее известных советских полярников, его биография еще не исследована в достаточной мере. В статье представлена биография ученого и его многогранная деятельность на фоне стремительно менявшихся социально-политических событий XX в., в основе исследования лежат документы из личного фонда ученого, хранящегося в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), а также опубликованные труды самого А.М. Лаврова и его соратников, посвященные освоению Арктики.

Алексей Модестович Лавров родился 17 февраля (3 марта) 1887 г. в г. Колпино Петербургской губернии в семье инженера-технолога Модеста Михайловича и Марии Алексеевны Лавровых¹, происходил из потомственных дворян Псковской губернии. Военно-морское образование получил в Морском кадетском корпусе, который окончил в 1907 г.², во время обучения ходил на разных кораблях, в том числе на крекерах 1 ранга «Богатырь» и «Князь Пожарский»³.

В 1911–1915 гг. в качестве помощника начальника А.М. Лавров участвовал в плаваниях гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на борту ледокольного парохода «Таймыр». В основные задачи данной экспедиции входила подготовка подробных карт, как тогда называли, «восточной части Ледовитого моря» и лоций, а также иных сведений о состоянии доступной для навигации части вод Ледовитого океана и «жизни этих вод и дна моря» [Старокадомский 1915, с. 2]. На протяжении нескольких лет исследователи-полярники проводили глубоководные измерения, гидрологические и климатологические наблюдения. Во время плавания ледокол «Таймыр» был сильно поврежден: судно получило серьезные пробоины из-за сильного сжатия льдов, к которым корпус корабля оказался явно не готов, хотя для данной экспедиции и «Таймыр», и «Вайгач» были специально построены с «ледокольными образованиями корпуса и крепким набором, рассчитанным на ледовые сжатия» [Лавров 1940, с. 3].

Участник этого события, судовой врач Леонид Михайлович Старокадомский вспоминал:

¹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 7553. Л. 2.

² РГАЭ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 1; данный документ представляет собой автобиографию А.М. Лаврова, во время написания которой он был помощником начальника экспедиции на «Малыгине» (10 октября 1928 г.).

³ РГАВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 2198. Л. 6.

...наш винт был не совсем исправен – еще во льдах у Таймырского полуострова обломались концы трех лопастей... В 11 ч. утра размахи качки доходили по временам до 55° на борту... К ночи стало еще хуже. На «Таймыре» лопнул штуртрос, что повело прежде всего к отчаянной качке. Перешли на ручное управление; у штурвала пришлось держать четырех человек... [Старокадомский 1915, с. 57].

Воспоминания самого Алексея Модестовича об этом событии нашли свое отражение в журнале «Записки о гидрографии» и их можно охарактеризовать как краткий обзор всей экспедиции [Лавров 1940].

Спустя некоторое время на ледокол «Вайгач» пришла телеграмма от Бориса Андреевича Вилькицкого, выдающегося морского офицера, гидрографа, с сообщением от том, что «на месте стоянки “Таймыра” морозы увеличились, доходя до 11°; корабль имеет большие повреждения и значительную течь. Напора льда не выдержит. Приходится остаться зимовать, почему он старается пробиться ближе к берегу» [Арнгольд 1929, с. 129]. Время зимовки прошло спокойно несмотря на то что было достаточно холодно (температура в каютах не поднималась выше 7°), продовольствие было рассчитано на всю команду лишь на полгода, а у членов команды начала проявляться цинга, нередко происходили несчастные случаи. В своей работе океанолог Владимир Юльевич Визе отмечал:

Зимовка... <...> ... проходила, в общем, благополучно, несмотря на мало продуманное «казенное» питание и негигиенические условия жизни на плохо приспособленных к зимовке железных кораблях. В марте среди команды все же началась цинга, не достигшая, к счастью, серьезных размеров [Визе 1935, с. 176].

Однако несмотря на тяжелые условия, и в этот период полярники продолжали проводить свои исследования по изучению северной земли: они делали гидрологические и метеорологические наблюдения над верхними слоями атмосферы, измеряли толщину льдов, регистрировали северные сияния и др. По приходе весны исследователи начали выходить на экскурсии для изучения находящихся рядом территорий: так, в один из таких походов был заснята бухта Гафнер-фьорд, расположенная на западном берегу Таймырского полуострова; позже мыс Гафнер-фьорд назовут в честь А.М. Лаврова, который во время экспедиции впервые описал его. Кроме того, во время этой достаточно тяжелой экспедиции был обнаружен архипелаг, названный Землей Николая II – он будет назван Северной Землей.

Во время Первой мировой войны Алексей Модестович Лавров находился в плавании на миноносцах в Балтийском море. Октябрь-

ская же революция застала А.М. Лаврова в должности командира эскадронного миноносца «Молодецкий», участвовал во всех походах и боевых операциях корабля⁴. Алексей Модестович командовал соединениями миноносцев вплоть до 1922 г., после чего был направлен в Главное гидрографическое управление, где занимал разные должности. В начале 1925 г. он был назначен председателем комиссии по изучению Северного Ледовитого океана, в этой же должности участвовал от Гидрографического управления в подготовке программы Карской экспедиции 1925 г. С 1926 г. Алексей Модестович был сотрудником Картографического отдела, также он был главным редактором лоций и специальных руководств и пособий. Необходимо отметить, что без отрыва от службы в 1921–1925 гг. А.М. Лавров прослушал курс общегеографического факультета Ленинградского географического института⁵.

В 1926 г. А.М. Лавров руководил ледовой разведкой на ледоколе «Седов» во время Карской экспедиции. В 1928 г., когда произошла ужасная катастрофа в экспедиции на дирижабле генерала Умберто Нобиле, для спасения людей была спешно организована поисковая экспедиция на ледоколе «Малыгин» под командованием А.М. Лаврова, В.Ю. Визе и П.П. Стрелкова. Льды очень тормозили поиск людей, поэтому через несколько дней было принято решение произвести ледовую аэроразведку с помощью самолета – во время этого полета (22 июня) А.М. Лавров выступил в качестве навигатора и ледового разведчика [Лавров 1929, с. 130].

В 1932 г. А.М. Лавров возглавлял Таймырскую гидрографическую экспедицию в северо-восточной части Карского моря, основной задачей которой являлось гидрографическое исследование Северного морского пути в наиболее труднодоступной в ледовом отношении и в наименее изученной его части – в районе Таймырского архипелага и северо-восточной части Карского моря. Кроме того, в ходе плавания проводилась проверка оборудования для работы в условиях Арктики, а также разработка судна, приспособленного для проведения исследовательских работ в полярном бассейне. Как отмечал сам Алексей Модестович, экспедиция была довольно хорошо оснащена:

Помимо обычного инструментального снаряжения, экспедиция была оборудована новейшими электрод-навигационными приборами, в том числе и лиро-компасом, впервые применяемым в полярной экспедиции [Лавров 1932, с. 103].

В результате плавания «Таймыр» впервые после плавания «Седова» подошел к острову Визе, от которого проследовал прямо к Север-

⁴ РГАВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 2198. Л. 6.

⁵ РГАЭ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

ной земле, обнаружив на этом пути обширное мелководье. На основании произведенных гидрологических наблюдений другой участник экспедиции, гидрограф Всеволод Александрович Березкин сделал предположение о существовании к северо-востоку от острова Визе еще неизвестной земли, и спустя год эта гипотеза подтвердилась, уже в рамках работы экспедиции «Садко», когда был открыт остров Ушакова. В целом программа экспедиции была успешно выполнена благодаря тому что лед практически отсутствовал, полярники смогли провести все необходимые исследования и в гидрографическом, и в геофизическом отношении. В 1935 г. А.М. Лавров участвовал в плавании в западном секторе Арктики на ледоколе «Ермак», который в рекордно ранний срок прошел пролив Вилькицкого, осуществив проводку судов через Северный морской путь для усиления Тихоокеанского флота. Об этом периоде жизни А.М. Лаврова немногим позже вышла в свет книга В. Броунштейна ««Ермак» во льдах»: Алексей Модестович стал одним из действующих персонажей, который активно участвовал в беседах с участниками плавания и делился опытом с более молодыми членами экипажа, вспоминая свою первую полярную экспедицию.

Несмотря на постоянные плавания Алексей Модестович Лавров вел активную научную жизнь. Совместно с Шарлем Рабо, французским историком Арктики и Антарктики, и Павлом Владимировичем Виттенбургом, географом, геологом, почетным полярником, была подготовлена к публикации работа «Полярные страны», где А.М. Лавров составил карту плаваний экспедиций в Северном Ледовитом океане в период с 1914 по 1924 г. Затем Алексей Лавров вместе с Надеждой Войтинской издал книгу про советские экспедиции, во многих из которых он лично принимал участие – «Советские корабли: Очерки советских морских экспедиций». В ее личном фонде в Российской национальной библиотеке сохранилось письмо Алексея Лаврова, где он составил список необходимой литературы для написания этой работы⁶. Кроме того, под его редакцией вышла в свет книга, посвященная норвежскому полярнику Руалю Амундсену, трагически погибшему во время поисков арктической экспедиции на дирижабле «Италия» У. Нобиле. Алексей Модестович выступил автором нескольких статей, рецензий и небольших заметок в журнале «Записки по гидрографии». В журнале «Экспедиция» в 1928 г. вышла его статья про поисковую экспедицию «Малыгин» в поисках экспедиции Нобиле во льдах восточного побережья Свальбарда. В личном фонде А.М. Лаврова в РГАЭ сохранилось довольно большое количество черновиков статей, исследователям еще предстоит выяснить, какие из них были опубликованы, а какие нет. А.М. Лав-

⁶ РНБ. Ф. 1156 Оп. 1. Д. 495.

ров также вел активную общественную просветительскую деятельность. Кроме того, в октябре 1928 г. он принимал участие в нескольких московских кинолекционных вечерах «Ледовый поход “Малыгин”». Неоднократно выступал по радио для полярных станций об экспедициях⁷.

В середине 1930-х гг. Алексей Модестович читал курс лекций по истории освоения Северного морского пути на географическом факультете Ленинградского государственного университета⁸. Помимо всего прочего, он был ученым секретарем Полярной комиссии Академии наук, членом Государственного географического общества и Международного общества по изучению Арктики при помощи воздушного корабля (Аэроарктик).

В первые годы Второй мировой войны А.М. Лавров был эвакуирован вместе с Гидрографическим институтом в г. Омск. Во время эвакуационных мероприятий погибло большинство преподавателей и курсантов института, практически все оборудование пришло в негодность. Однако когда Алексей Модестович добрался до Омска, ему совместно с его коллегами пришлось буквально начинать все работы заново в здании Омского речного училища, которое было отведено под Гидрографический институт. Благодаря своему большому опыту работы в крайне суровых условиях А.М. Лаврову удалось в кратчайшие сроки наладить картографическое производство. Тяжелые условия и постоянное напряжение отразились на здоровье выдающегося военно-морского деятеля, в мае 1942 г. Алексей Модестович Лавров умер вследствие кровоизлияния в мозг. Он был похоронен на Казачьем кладбище г. Омска, которое оказалось позже снесено, и только в 1960-х гг. его прах был перенесен на Старо-Северное кладбище.

Таким образом, исследование опубликованных трудов с привлечением архивных документов А.М. Лаврова открывает возможность комплексного изучения его научной, общественной, просветительской и педагогической деятельности в контексте освоения Арктики. В заключение отметим, что, несмотря на высокий интерес исследователей к теме освоения арктического региона, все еще в недостаточной степени изучены биографии полярников, личные фонды которых содержат уникальные научные материалы и документы личного происхождения, которые приоткрывают напряженную деятельность ученых по освоению этих территорий в XX в.

⁷ РГАЭ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 37.

⁸ Там же. Д. 38.

Литература

- Арнгольд 1929 – *Арнгольд Э.Е.* По заветному пути: воспоминания о полярных плаваниях и открытиях на ледоколе «Таймыр» и «Вайгач» в экспедициях 1910–1915 гг. Л.: Госуд. изд-во, 1929. 196 с.
- Белов 1959 – *Белов М.И.* Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. Л.: Мор. транспорт, 1959. 509 с.
- Броунштейн 1938 – *Броунштейн В.* «Ермак» во льдах. Л.: Главсевморпуть, 1938. 237 с.
- Визе 1935 – *Визе В.Ю.* История исследования Советской Арктики: Карское и Баренцево моря. 3-е изд., испр. и дополн. Архангельск: Севкрайгиз, 1935. 233 с.
- Лавров 1929 – *Лавров А.М.* Советские корабли: [очерки советских морских экспедиций]. Л.: Красная газета, 1929. 191 с.
- Лавров 1932 – *Лавров А.М.* Таймырская гидрографическая экспедиция: Мелкие статьи, заметки и хроника // Записки по гидрографии. 1932. № 5. С. 103–104.
- Лавров 1940 – *Лавров А.М.* Сквозное плавание ледокольных кораблей «Таймыра» и «Вайгача» северо-восточным проходом // Записки по гидрографии. 1940. № 3. С. 3–8.
- Старокадомский 1915 – *Старокадомский Л.М.* Открытие новых земель в Северном Ледовитом океане: [плавание Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913 г.]. Петроград: Типография Морского министерства, 1915. 72 с.

История России в источниках по истории общественно-политической мысли

УДК 338.43(470)

ББК 65.32(2)

В.Ю. Пегов

Аграрный вопрос в России начала XX в. в газете «Московская неделя»

Статья посвящена особенностям освещения аграрного вопроса в России в начале XX в. в общественных дискуссиях. Исследование строится вокруг статей об аграрном вопросе, помещенных в газете «Московская неделя». Особое внимание уделяется различию взглядов общественных деятелей на методы решения проблемы, а также их мотивации критиковать политику правительства в отношении сельского хозяйства. В результате автор приходит к выводу, что умеренные либералы пытались использовать прессу для распространения идей, которые могли решить аграрный вопрос, не прибегая к такой мере, как принудительное отчуждение земель. Наибольшие надежды возлагались на созыв народных представителей, которые, зная о нуждах «земли», смогли бы урегулировать проблему. Чтобы добиться достаточно широких полномочий для депутатов, либеральная оппозиция большое внимание уделяла критике аграрного курса правительства.

Ключевые слова: аграрный вопрос, сельское хозяйство, крестьянство, пресса, либерализм, общественное мнение, народное представительство, «Московская неделя», С.Н. Трубецкой

Аграрный вопрос в России на рубеже XIX и XX вв. был одним из самых острых. Неустроенность крестьянского быта и сложная ситуация в сельском хозяйстве страны бросались в глаза современникам. Наряду с дискуссиями о народном представительстве, аграрный вопрос вызывал наиболее ожесточенные споры. Пресса не могла остаться в стороне. Эта тема затрагивалась как в крупных уважаемых газетах и журналах, так и в тех, что просуществовали в конечном счете недолго. Одним из таких изданий была газета князя С.Н. Трубецкого «Московская неделя». Издание было организовано в 1905 г. В мае этого года было отпечатано три номера, после чего газета была закрыта цензурой. Ее номера увидели свет только в 1906 г. Их издал Е.Н. Тру-

бецкой в память об умершем 29 сентября 1905 г. брате. Несмотря на это, материалы, помещенные в «Московской неделе», представляют исследовательский интерес, так как статьи в газете были посвящены наиболее важным проблемам того времени, а их авторами выступили такие видные интеллектуалы и общественные деятели, как С.Н. и Е.Н. Трубецкие, А.А. Кауфман, Н.И. Новгородцев, М.Я. Герценштейн, И.И. Петрункевич и др.

Высокая актуальность аграрного вопроса в России в начале XX в. среди современников обеспечила популярность этой темы у современных исследователей. Опираясь на большое количество источников и литературы, историк М.А. Давыдов показал, что критика прессы аграрной политики правительства в начале XX в. была если не полностью беспочвенна, то, по крайней мере, не вполне адекватна [Давыдов 2016, с. 15–17]. Для написания данной статьи была привлечена также монография В.В. Шелохаева, посвященная кадетам [Шелохаев 2015]. Историк показал, что позиция кадетов (почти все авторы, писавшие об аграрном вопросе в «Московской неделе», вошли в ЦК партии кадетов) по этому вопросу была неоднородной. Наиболее острые дискуссии на учредительном съезде партии разгорелись вокруг пункта программы, который предусматривал принудительное отчуждение частновладельческих земель по справедливой (не рыночной) цене [Шелохаев 2015, с. 98–102]. Эта же проблема была одной из главных и в «Московской неделе».

Дискуссию об аграрном вопросе на страницах «Московской недели» открыл главный редактор газеты С.Н. Трубецкой. В своей статье он заявил, что для того чтобы разобраться с этой проблемой, нужна целая система мер. Стране необходимы были податная реформа, переселение, правильная постановка арендного законодательства, широкая организация мелкого кредита, корпоративных товариществ, кустарного промысла, поощрение интенсификации хозяйств и увеличение площади крестьянского землевладения, наконец, введение в деревне общегражданского порядка, развитие народного образования. Проблема же заключалась в том, что такая масштабная реформа, предполагавшая широкое взаимодействие общества и власти, была невозможна в условиях существовавшего политического режима:

...она никогда не получит достаточной широты и прочности, не будет тем земским, всенародным и общегосударственным делом, каким она должна быть. И тем не менее, она необходима, она составляет потребность, насущное требование земли, – и это одно уже должно служить залогом осуществления той политической реформы, без которой немислимо наше дальнейшее народно-государственное существование¹.

¹ Трубецкой С.Н. От редакции // Трубецкой С.Н. Полное собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1907. С. 108.

Почти во всех статьях об аграрном вопросе в «Московской неделе» утвердилась мысль о том, что не стоит рассматривать увеличение крестьянских землевладений, особенно за счет помещичьих хозяйств, как панацею от всех проблем для жителей села. Предводитель Суджанского уездного дворянства, земский деятель С.И. Жекулин в своей статье предположил, что попытка реализации этой меры привела бы к негативным последствиям. Во-первых, следовало иметь в виду вопрос о частной собственности лиц, владеющих землей. Во-вторых, довольно сложно было рассчитать как, почему, кому и сколько давать земли. В-третьих, следовало понимать, что во многих уездах средней России даже перераспределение всей частновладельческой земли дало бы для крестьян прирост землевладения от 1/2 до 1 десятины на душу населения. Доходность от этой десятины при самом лучшем способе хозяйства не превысила бы 15–20 руб. Эти приобретения крестьян вскоре обесценились бы в результате роста населения.

Чтобы решить аграрный вопрос, автор предложил устранить причины, из-за которых он возник. С.И. Жекулин видел их в неправильной политике правительства. По его мнению, с 1861 г. не было сделано ничего для улучшения положения крестьян. Наоборот, все силы были направлены на то, чтобы вытянуть из крестьян как можно больше денег. Косвенные налоги ложились тяжелым бременем на население. Например, в 80-е гг. XIX в. крестьянин покупал пуд керосина за 0,8–1 руб., а 20 лет спустя уже за 3 руб.² Положение усугубляли также рост цен на дерево и железо – материал для изготовления сельскохозяйственных инструментов. Из-за взыскания налогов, которые быстро превращались в недоимки, сильно рос процент хозяйств без живого инвентаря (лошадей, коров, овец, свиней). А вместе с этим крестьяне лишались и удобрения для земли. Таким образом, она быстро истощалась.

Наконец,

...когда в 90-х гг. наше финансовое управление пустилось в различные финансовые авантюры в виде искусственного насаждения в России промышленности, – то положение сельскохозяйственной России стало трагичным³.

Таковыми авантюрами автор считал строительство Транссиба, проникновение России в Китай и попытку обеспечить России господство в Тихом океане, что кончилось крайне дорогостоящей войной. Средств, потраченных государством на востоке, как раз хватило бы на то, чтобы «заглушить всякий кризис сельскохозяйственной России» и

² ОР РГБ. Ф. 305. К. 6. Д. 25. Л. 3.

³ Там же.

«на развитие культуры и благоустройство страны»⁴. Соответственно, чтобы решить аграрный вопрос, необходимо было изменить государственный строй «с его безответственными министрами и администраторами и с его самовластием»⁵.

Экономист, статистик, специалист по сельскому хозяйству А.А. Кауфман на страницах «Московской недели» также пришел к выводу о том, что малоземелье не является главным препятствием к разрешению аграрного вопроса. Он указывал на ту же проблему, что и С.И. Жекулин, – ограниченность поверхности земли при растущем населении. Расширение землевладения не могло быть нормальной схемой аграрного развития страны. Следовательно, не размеры землевладения должны были приводиться в соответствие с условиями хозяйства, а напротив, условия техники и экономики сельского хозяйства должны соответствовать размерам землевладения⁶.

Борьбу непосредственно с малоземельем следовало бы ограничить прирезками земель тем крестьянам, которые получили наделы меньше, чем были установлены положениями 19 февраля 1861 г. Землевладение этих групп должно было быть доведено до надела среднего размера крестьян, которые получили в свое время полный надел, соответствующий положениям 19 февраля. Благосостояние последних был смысл улучшать только мерами экономическими и культурными. Таким образом, с точки зрения А.А. Кауфмана, для решения аграрного вопроса необходимы были «широкая государственная и общественная деятельность, направленные к улучшению техники и экономики крестьянского хозяйства»⁷.

Известный общественный деятель, экономист А.А. Мануйлов также поместил в газету статью на эту тему под названием «Об аграрной программе». По мнению автора, скорейшее решение аграрного вопроса было в интересах не только самих крестьян, но и государства. 4/5 населения страны «живет в условиях, недостойных человеческого существования»⁸. Соответственно нищий и голодный крестьянин не мог быть аккуратным налогоплательщиком, являлся плохим потребителем изделий промышленности и т. д. Однако государственный интерес заключался в том, чтобы ситуация была обратная. По мнению А.А. Мануйлова, обновление, вступление на путь развития, который привел бы страну к благоденствию, было возможно только при условии участия крестьян в законодательстве⁹.

⁴ ОР РГБ. Ф. 305. К. 6. Д. 25. Л. 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 26. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 30. Л. 2.

⁹ ОР РГБ. Ф. 305. К. 6. Д. 30. Л. 2.

А.А. Мануйлов пошел вразрез с другими авторами «Московской недели», посчитав «обязательную отрезку известной части частновладельческой земли на условии выкупа ее»¹⁰ правильной мерой. Но полемизировал он не с точкой зрения своих коллег по газете, а заочно, с радикалами, предлагавшими национализацию земли. По его мнению, наивно было бы полагать, что в народном представительстве землевладельческий класс не имел бы значительного влияния. Поэтому

...будущая аграрная реформа может быть только компромиссом между демократическими партиями и землевладельческими интересами и рассчитывать на то, что при таких условиях могла бы пройти конфискация, даже если бы она была признана желательной и справедливой, невозможно¹¹.

Один из лидеров либерального земского движения И.И. Петрункевич в своей статье «К аграрному вопросу» главным образом показал остроту темы. Он заявил, что сама реформа по освобождению крестьян была проблемной изначально: правительство ставило задачу решить не одну из труднейших социально-экономических проблем, а политико-финансовые затруднения, образовавшиеся вследствие неудачной Крымской войны. Если бы в основу преобразования была положена идея об устройении класса мелких собственников, свободного и экономически независимого, то ситуация была бы иной¹².

И.И. Петрункевич оказался солидарен с С.И. Жекулиным в том, что промышленность в Российской империи насаждалась искусственно ради увеличения государственных финансов. Пролетариат, по оценкам И.И. Петрункевича, составлял 4–5% населения, в то время как от земли питалось более 80%. И эти 80% «приносятся в жертву», так как «политика мировой державы требовала сосредоточения в руках правительства громадных денежных средств, которые могла дать только обрабатывающая промышленность»¹³. Автор отметил, что у Министерства земледелия и государственных имуществ нет средств на создание класса инструкторов, организацию меморативного кредита, устройство опытных и показательных станций. А Министерство финансов, в свою очередь, никогда не жалело денег на политехникумы, торговые школы, грюндерские проекты и т. п. Причем это были те ресурсы, которые изымались из аграрного сектора¹⁴.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Д. 33. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 305. К. 6. Д. 33. Л. 7.

Таким образом, в газете в основном проводилась мысль о том, что аграрный вопрос следовало решать не отчуждением частновладельческих земель, а интенсификацией сельского хозяйства посредством:

а) организации мероприятий по агрономическому просвещению жителей села;

б) уменьшения налогов, взимаемых с крестьян на развитие промышленности и дальневосточных компаний, с тем чтобы жители села располагали достаточными материальными ресурсами для интенсификации своих хозяйств;

в) изменения политического строя империи.

Уже через несколько месяцев после закрытия газеты многие члены редакции и авторы статей в «Московской неделе» вошли в только что образованный ЦК Конституционно-демократической партии. Как известно, на учредительном съезде в программу партии был включен пункт о принудительном отчуждении части частновладельческих земель за справедливое (не рыночное) вознаграждение. Из этих земель планировалось создать государственный земельный фонд, который предоставлял бы землю крестьянам. Так, идеи, заложенные в программу кадетов, разошлись с идеями «Московской недели». Следует подчеркнуть, однако, что пункт об отчуждении частновладельческих земель все же был компромиссом. Программа партии была принята окончательно на II съезде в январе 1906 г., и вопрос о VI аграрном разделе оказался самым дискуссионным. Так, делегат из Самары В.М. Владиславлев настаивал на национализации земли, опираясь на постановление симбирской группы. Делегат из Саратова Ф.А. Березов требовал того же, утверждая, что крестьяне не одобрили бы лишь частичного отчуждения земель. Делегат из Курска П.С. Усов критически отнесся к предложению аграрной комиссии при ЦК сохранить образцовые помещичьи хозяйства. Делегат из Рязани Смолин призывал партию пойти «навстречу измученному изголодавшемуся народу» и т. д. [Шелохаев 2015, с. 99].

С другой стороны, А.А. Кауфман пытался доказать, что «довести наделение крестьян землей до нормы, достаточной занять весь труд крестьянина и его семьи», представляется делом практически неосуществимым» [Шелохаев 2015, с. 98]. М.М. Медиш также полагал, что дополнительное наделение крестьян землей – лишь паллиативная мера, а решение аграрного вопроса нужно искать в интенсификации крестьянского труда. Ф.И. Родичев заявил, что демократическая партия не может отнимать что-либо у одного ради другого – «наше дело – установить право, а делить чужую собственность – это подвиг Чингисхана!» [Шелохаев 2015, с. 100]. Тезис об уважительном отношении к частной собственности поддержал Е.Н. Трубецкой.

В этой ситуации приходилось искать компромисс, который и был найден в том, чтобы не менять VI раздел программы партии, оста-

вить его в том виде, в котором он был сформулирован на I съезде, т. е. с пунктом о частичном отчуждении частновладельческих земель. В.В. Шелохаев указал на еще один важный аспект проблемы. Дело в том, что аграрный раздел партии крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, должны были признать отвечающим их интересам. От этого зависела судьба любой партии, которая могла бы претендовать в России на лидерство в освободительном движении. Руководство кадетской партии, пойдя на отчуждение частновладельческих земель в необходимых размерах, таким образом продемонстрировало свою готовность идти на уступки крестьянству.

Это был тот рубеж, который кадеты намеревались отстаивать в рамках частнособственнических отношений, не разрушая системы рационального функционирования народного хозяйства [Шелохаев 2015, с. 102].

Перед авторами «Московской недели», конечно, не стояла такая политическая задача. Это был не партийный орган, в первой половине 1905 г. либеральные партии еще не оформились. Перед создателями газеты не стояла и задача поиска компромисса между разными мнениями. Авторы, ничем не стесненные, свободно высказывали свою точку зрения как рекомендации для будущих дискуссий, но уже на другом уровне. Мнения, изложенные в «Московской неделе», оказались противоречащими программе партии, которую многие из авторов этой газеты вскоре создали, потому что в самой партии не было единства по этому поводу. В «Московской неделе» сконцентрировались будущие члены кадетской партии, которые потом составили ее правое крыло.

Интересно и то, что предложение, высказанное С.Н. Трубецким в «Московской неделе», об уравнении в правах крестьянского населения с остальным, нашло более четкое отражение в программе партии «Союз 17 октября». В этом документе предусматривалась «отмена исключительных законоположений, юридически принижающих податные сословия, отмена административной опеки, признание мирского землевладения институтом гражданского права»¹⁵. Для улучшения крестьянского благосостояния предусматривался ряд мер: регулирование аренды, преобразование крестьянского банка, расселение и переселение, создание фонда из государственных и удельных земель для малоземельных крестьян, разверстка чересполосицы. И только при недостаточности этих мер допускалось «в случаях государственной важности отчуждение части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения»¹⁶.

¹⁵ Сборник программ политических партий в России / С предисл. В.В. Водозова. Вып. 1. СПб., 1905–1906. С. 50.

¹⁶ Там же.

В целом установки авторов «Московской недели» в отношении аграрного вопроса не были едины. На редакционном совещании в марте 1905 г. в газете предполагалось «дать простор свободному обсуждению всех “pro” и “contra”»¹⁷ прямого избирательного права. Однако этот принцип распространился на все вопросы, обсуждавшиеся в газете. Три автора (С.Н. Трубецкой, С.И. Жекулин, А.А. Кауфман) высказались против принудительного отчуждения частных земель, один (А.А. Мануйлов) его поддержал, один (И.И. Петрункевич) не поделился своим мнением на этот счет. Таким образом, если выделять точку зрения издания в целом, то она оказывается весьма умеренной. Целый ряд либеральных газет и журналов, вплоть до отнюдь не радикального «Вестника Европы»¹⁸, вскоре полностью поддержали кадетскую аграрную программу.

Однако авторы «Московской недели» солидаризировались в критическом отношении к аграрному курсу правительства. В современной историографии показано, что разгромная «негативистская» критика аграрного курса правительства – общая тенденция либеральной публицистики второй половины XIX – начала XX в. [Давыдов 2016, с. 6–9]. Также было продемонстрировано, как крестьяне предпочитали преуменьшать размеры своих урожаев в надежде на правительственную помощь [Давыдов 2016, с. 49–117], которая в неурожайные годы была значительно больше, чем та, что оказывалась всей ответственностью вместе взятой [Давыдов 2016, с. 118–150]. Недоимки, которые, по мнению многих либеральных публицистов, свидетельствовали о «всеобъемлющей нищете крестьянства», зачастую возникали у многоземельных и богатых крестьянских дворов, вследствие того, что они находили возможность не платить подати в срок [Давыдов 2016, с. 151–229]. Крестьяне также имели ресурсы для роста своего благосостояния за счет уменьшения количества праздничных нерабочих дней, которых в 1902 г. насчитывалось 258 [Давыдов 2016, с. 232]. Наконец, росли доходы государства от продажи акцизных товаров [Давыдов 2016, с. 230–231], в том числе и алкоголя [Давыдов 2016, с. 146]. Таким образом, здесь наблюдается негативная мифологизация правительственной политики, наподобие той, которой подвергалось непосредственно самодержавие [Соловьев 2017, с. 3–11]. Эта мифологизация затронула не только аграрный вопрос, но и многие другие проблемы, освещавшиеся в газете. Однако она во многом объясняется особенностями периодической печати как исторического источника [Плавская 2008, с. 81–93].

¹⁷ Трубецкая О.Н. С.Н. Трубецкой: воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 122.

¹⁸ Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1905. 1 декабря. С. 784.

В начале XX в. либеральные общественные деятели могли иметь разные мнения насчет того, как реформировать отечественное сельское хозяйство. Ситуация, сложившаяся в «Московской неделе», служит для этого примером. Показательно и то, что большинство авторов выступили против принудительного отчуждения земель как основного способа решения аграрного вопроса. Историография показывает, что для либералов такой метод был скорее компромиссом, необходимым для того, чтобы набрать политические очки. В свободных дискуссиях на страницах прессы многие из них предпочитали рекомендовать другие, менее конфликтные, меры: просвещение крестьян, корректировка их правового положения, изменение налоговой политики государства и проч.

Однако несмотря на разницу во мнениях, выделяется сюжет, который объединял всех писавших об аграрном вопросе в «Московской неделе». Это было осознание того, что общественность уже стала той силой, которая могла бы решить эту проблему. Действия правительства в аграрной сфере воспринимались критически. Ключевым был вопрос об ответственности. По мнению многих общественных деятелей, ею в большей степени обладали те, кто жил «на земле» и знал ее нужды, чем правительственные чиновники. Им и следовало поручить разрешение аграрного вопроса, а также многих других, стоявших перед Россией в то время. В условиях, когда народное представительство уже было обещано высшей властью, но еще шли дискуссии о его форме, главной задачей либералов было добиться наиболее широких, а главное, законодательных полномочий для депутатов. Этой цели и служила демонстрация в прессе низкой эффективности правительства в деле решения аграрного вопроса.

Литература

- Давыдов 2016 – *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: Российская модернизация Витте–Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016. 1072 с.
- Плавская 2008 – *Плавская Е.В.* Публицистика как вид исторических источников: проблема определения // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2008. № 4. С. 81–93.
- Соловьев 2017 – *Соловьев К.А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 294 с.
- Шелохаев 2015 – *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Роспэн, 2015. 863 с.

УДК 355(470)
ББК 68(2)

Т.В. Картавых

Развитие советской военной теории в творческих материалах красных командиров

Статья посвящена осмыслению опыта Первой мировой войны в творчестве молодых советских военных теоретиков, в первую очередь М.Н. Тухачевского. В 1920-е гг. остро встал вопрос о дальнейшем курсе развития вооруженных сил Советского Союза. Помимо сугубо экономических вопросов, которыми было вызвано сокращение армии и частичный переход на территориально-милиционную систему, военно-политическое руководство волновало то, какой должна быть будущая армия диктатуры пролетариата. Особое внимание в творчестве советских военных теоретиков уделяется прогнозированию и попыткам смоделировать облик будущего вооруженного конфликта.

Ключевые слова: Красная армия, военная реформа, НЭП, СССР, Гражданская война, М.Н. Тухачевский, Г.С. Иссерсон, В.К. Триандафиллов

С момента начала Первой мировой Россия находилась в состоянии войны более 7 лет. За годы боевых действий сначала на полях мировой войны, а затем и гражданской Российской и впоследствии Красная Армия приобрели колоссальный, но довольно своеобразный опыт. С окончанием активной фазы боевых действий появилась возможность осмысления данного опыта в относительно спокойной обстановке. Вместе с этим становилась все более очевидной необходимость перевода армии, как, впрочем, и всего общества, на мирные рельсы.

В советской историографии, в частности в работах И.Б. Берхина, преобладают положительные оценки развития армии в 1920-е гг. [Берхин 1958]. Процессы, происходившие в армии в 1920-е гг., анализировались, в первую очередь, в историко-партийном ключе. Важными событиями, повлиявшими на изучение военного строительства в 1920-е гг., стали гласность и последовавший за ней распад СССР. Для данного периода характерно смещение акцентов с общей картины в сторону частных. В работах таких историков, как С.Г. Осьмачко, П.Н. Бобылев, Р.А. Савушкин и др., общая характеристика развития РККА становится сдержанно-положительной, но на передний план

выходят ошибки в реализации планов, некомпетентность отдельных лиц и т. д. В XXI в. интерес к рассматриваемому вопросу среди историков не уменьшился. В изучении проблемы советского военного строительства в 20-е гг. на текущий момент установился плюрализм мнений. В различных научных трудах встречаются как строго положительные оценки и военной реформы, и вектора развития армии в целом, так и критика советского военного строительства. А.В. Черепанов пишет о политизированности дискуссий о выборе пути развития армии СССР и инертности командования, которое в первую очередь стремилось оставаться лояльным [Черепанов 2021]. Г.М. Ипполитов, напротив, отмечает стремление советской власти в первую очередь минимизировать потери от сокращения и реорганизации армии и указывает на приобретение положительного опыта по переводу РККА на мирное положение [Ипполитов, Полтораки 2014].

В условиях экономического упадка, напряженной дипломатической обстановки и возможной угрозы военной интервенции со стороны капиталистических стран было необходимо создать современную боеспособную, но в то же время не самую многочисленную армию. Кроме того, несмотря на победу в Гражданской войне, РККА демонстрировала неудовлетворительный уровень политико-морального состояния личного состава, что также обозначало острую необходимость реформ. В целях приведения РККА в соответствие с условиями мирного времени и повышения боеготовности была проведена военная реформа 1924–1925 гг. [Берхин 1958, с. 422]. Существует и другой подход к датировке военной реформы, например А.О. Деркачев и А.С. Немчанинов выделяют два этапа военной реформы: первый этап, этап начала и проведения реформы – 1924–1925 гг., второй этап, завершение реформы – 1926–1928 гг. [Деркачев, Немчанинов 2017, с. 85].

В правящих кругах Советского государства столкнулись различные взгляды на пути развития армии. Существовали идеи о полной ликвидации регулярной Красной Армии и переходе на милиционную армию. X съезд РКП(б) отверг «левацкие» требования о полностью милиционной армии и выработал программу перестройки армии с возможностью создания территориально-милиционных формирований только в самых развитых районах со сплоченным пролетариатом.

Частичный переход на территориально-милиционную систему формирования армии был вызван не только идеологическими, но и вполне практическими причинами. Регулярная армия того времени была в состоянии обучить и подготовить всего 30% военнообязанных [Ягловский 1999, с. 201]. А территориально-милиционная система позволяла пропускать через вооруженные силы заметно большее количество призывников, и в то же время не отрывать значительные массы населения от хозяйственной деятельности [Кадыров 2017, с. 125]. М.Н. Тухачевский писал о важной роли территориальной системы

в политической обработке крестьянских масс и укреплении рабоче-крестьянской смычки¹.

Учитывая довольно сложную международную ситуацию, влияние политического и идеологического факторов сложно отрицать. В период с начала по середину 1920-х гг. происходят изменения во взглядах на стратегию поведения Советского государства на международной арене. Идея военного продвижения революции после неудач Советско-польской войны сменилась идеей существования в кольце противников, которая в свою очередь состояла из двух противоречивых компонентов: поддержки пролетарских движений и выгодного сотрудничества с капиталистическими странами. Военно-политическому руководству СССР было необходимо учитывать эти факторы.

Одним из столпов будущей реформированной Красной Армии считались «краскомы» – красные командиры, прошедшие Гражданскую войну и имевшие незаменимый опыт командования и организации [Берхин 1958, с. 38]. Они могли выступать проводниками накопленных знаний в военной сфере как на тактическом, так и на стратегическом уровне. Однако в вопросах осмысления военного опыта зачастую возникают сложности. Как известно, генералы всегда готовятся к прошлой войне. Военное командование часто не проявляет достаточной гибкости, может слепо использовать старые тактические и стратегические приемы несмотря на их очевидную неэффективность, или же, наоборот, отбросить все старые теоретические наработки независимо от их эффективности.

Тенденции смещения внимания в сторону более позднего конфликта, в данном случае Гражданской войны, прослеживаются в трудах советских военных теоретиков 1920-х гг. В докладе М.Н. Тухачевского, посвященном вопросам стратегии, размышлениям о гражданской войне уделяется значительно больше внимания². Национальная война как будто отходит на второй план. Опыт Гражданской войны был более новым относительно опыта Первой мировой войны, вместе с этим РККА рассматривалась политическим и военным руководством как армия нового типа. Как и в случае с вопросом о милиционной или регулярной армии, велись ожесточенные споры по поводу мест и ролей различных родов войск, стратегии и тактики. Все это должно было соответствовать не только представлениям о современной армии, но и представлениям об армии пролетарского государства.

Противопоставлялись не только гражданские и национальные войны. Принципиально разными считались войны между империа-

¹ *Тухачевский М.Н.* Ленинское в терсистеме // Тухачевский М.Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 270.

² *Тухачевский М.Н.* Стратегия национальная и классовая // Там же. Т. 1. М., 1964. С. 32–33, 48–49.

листическими государствами и возможные войны между капиталистическими странами и СССР, более того, обосновывалось различие во взглядах на сущность будущей войны и стратегию боевых действий в империалистических странах и в СССР.

Но стоит отметить, что советскими военными теоретиками анализировался не только собственный опыт, но и опыт стран Антанты и Союза центральных держав. К примеру, обращаясь к вопросам тактики действий пехотных частей, М.Н. Тухачевский во многом опирается на опыт действия французской и немецкой пехоты³. Стратегический опыт Первой мировой войны также, вопреки возможным представлениям, не оставался без внимания. А.И. Егоров, рассматривая вопрос об управлении армиями и взаимодействии фронтов, в качестве «классического образчика» приводит генерала Александра фон Клука⁴. Исходя из событий на фронтах Первой мировой М.Н. Тухачевский обосновывает особое значение первого периода войны, во время которого решается ее исход: провал первоначальных планов Германской империи в начале войны обеспечил ей крайне неблагоприятное положение несмотря на дальнейшие военные победы⁵. В попытках спрогнозировать возможный ход гипотетической будущей войны М.Н. Тухачевский также опирается на ход Первой мировой войны. А.М. Василевский особенно отмечал, что Б.М. Шапошников именно благодаря изучению практики генеральных штабов армий различных стран сумел создать обобщающий труд о генеральном штабе⁶. Военные специалисты не замыкались на исключительно отечественном, или даже только советском боевом опыте. Всесторонний подход к изучению военной теории воспринимался как безусловный плюс.

Хотя опыт Первой мировой и Гражданской войны явно противопоставлялся друг другу, но это было обусловлено в большей степени различным характером этих войн, нежели идеологической подоплекой. Несмотря на то что в трудах военных специалистов часто Гражданской войне уделяется больше внимания, Первая мировая война в сфере военной теории не остается забытой или даже затененной. Советские военные теоретики четко осознавали, что характер подготовки к войне и ведения боевых действий изменился, хотя не все из них смогли отказаться от старых воззрений.

Политическая обстановка, как уже было отмечено, могла оказать определенное влияние на тактику и стратегию. Едва ли политика и

³ Тухачевский М.Н. Модные заблуждения // Там же. Т. 1. М., 1964. С. 176.

⁴ Егоров А.И. Львов – Варшава. 1920 год: Взаимодействие фронтов. М., 1929. С. 177.

⁵ Тухачевский М.Н. Вопросы современной стратегии // Тухачевский М.Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 250–254.

⁶ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1978. С. 64.

идеология были способны перечеркнуть боевой опыт двух крупных войн. Более того, в рамках дискуссии о военной доктрине между сторонниками М.В. Фрунзе, которые опирались на опыт предыдущих войн, и последователями Л.Д. Троцкого, отрицавшими его полезность, последние потерпели поражение.

М.В. Фрунзе указывал на скудность военно-теоретического багажа, доставшегося от старой армии, на недостаточный уровень осмысления военного опыта дореволюционным командованием. Рассуждая о вопросах формирования военных доктрин в разных странах, он в первую очередь опирался на особенности социально-экономического строя, различия в доктринах Германии, Англии и Франции он объяснял различиями в их положении на международной арене и характерными чертами социально-экономического быта. Исходя из этих же положений, – предлагалось разработать советскую военную доктрину⁷. Идеи М.В. Фрунзе были поддержаны М.Н. Тухачевским.

Следующая война, в которой будет участвовать Советский Союз, с точки зрения советской идеологии, будет революционно-классовой⁸. Это обуславливает как общий характер войны, так и противостояние до полного уничтожения врага. С одной стороны, в таком подходе очевидно влияние Первой мировой, с другой стороны, в случае классовой войны декларируется абсолютная бескомпромиссность во всем. Это выражается в стремительности планируемых боевых действий и в решительности командования. Противник должен быть полностью уничтожен, не обязательно физически, но как реальная действующая сила. Тухачевский подчеркивает отличия такой войны от войн, которые будут происходить между империалистическими странами. На эти государства опыт мировой войны оказал угнетающее действие. В штабах господствовали идеи невозможности решения боевых задач исключительно армией и сведения конфликта к экономическому противостоянию⁹.

Однако под политическими обоснованиями скрывались вполне материальные факторы. М.Н. Тухачевский писал:

Наша страна, которая в достаточной степени бедна и не настолько сильна, чтобы могла затягивать свою войну до бесконечности, должна смотреть на военное дело как на применение такого мощного средства, которое должно доставить победу наиболее быстрым, экономным путем, наиболее планомерным, наиболее целесообразным и наиболее выгодным¹⁰.

⁷ Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная армия // «Красная Новь». 1921. № 1. С. 94–106.

⁸ Иссерсон Г.С. Эволюция оперативного искусства. М., 1937. С. 52.

⁹ Тухачевский М.Н. Вопросы современной стратегии... С. 254–255.

¹⁰ Тухачевский М.Н. Стратегический нигилизм и наша стратегия // Тухачевский М.Н. Избранные произведения: В 2 т. М., 1964. С. 257.

Уже во второй половине 1920-х гг. начинает формироваться теория о прорыве вражеской обороны и немедленном вводе группировки подвижных войск для развития тактического прорыва в оперативный успех. На смену стратегии «измора» приходит идея об ударах на максимально возможную глубину с использованием всех возможностей для быстрого и верного нанесения противнику возможно больших поражений, возможно более чувствительных ударов¹¹.

Советские военные теоретики, в том числе и те, кто прошел путь от царской армии до РККА, рассматривали любой вооруженный конфликт в тесной связи с объективными условиями, в которых этот конфликт развивается. Также учитывались экономические возможности страны. Но противопоставляя себя зарубежным стратегам, советские теоретики не абсолютизировали войну экономик. Это объясняется наличием победного опыта Гражданской войны, в то время как европейские страны находились под впечатлением от почти бессмысленных в стратегическом плане кровопролитных позиционных боев. Данный фактор во многом обусловил развитие советской военной стратегии. Из синтеза опыта позиционной борьбы во время Первой мировой войны и маневренных действий Гражданской войны родится «Теория глубокой операции». В ее разработке активно участвовала Военная академия им. М.В. Фрунзе [Осьмачко 2015, с. 306]. Военная реформа 1924–1925 гг. не являлась плодом всех теоретических изысканий, появившихся в то время. Основной причиной ее проведения была суровая необходимость. Но она стала основой развития новой армии с заложенными в нее принципами единоначалия, смешанного комплектования вооруженных сил и т. д.

Таким образом, опыт Первой мировой и Гражданской войн сыграл во взглядах военных специалистов на реформирование армии решающую роль. Однако несмотря на личный опыт участия в боевых действиях и идеологический фон, советские военные теоретики старались трезво оценивать не только отечественные, но и зарубежные теоретические наработки. Наблюдается тенденция к понижению идеологического влияния от доктринального уровня к тактическому. Если в основе формирования военных доктрин лежала в основном идеология, то уже на стратегическом уровне значительное внимание уделяется экономическим и непосредственно военным факторам, на тактическом уровне влияние идеологии почти не прослеживается. Оценивались не только и не столько непосредственно боевые действия, но условия, в которых эти действия велись, и причины, по которым они могли происходить именно так. При таком подходе не могло быть априорного принижения опыта, приобретенного в ре-

¹¹ Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. М., 1936. С. 202–204.

зультате какого-либо конфликта. За «идеологическим отрицанием» Первой мировой войны как положительного явления нет отрицания событий этой войны как источника знаний, опыта, информации. Военные специалисты, вслед за руководством страны, давали ей строго негативную оценку, но не пытались отменить ее или сделать вид, что она недостойна внимания. Первая мировая война для военных специалистов стала источником теоретических и практических знаний, а Гражданская война оказалась еще и своего рода идейным вдохновителем, стимулом для развития военной теории. Военная реформа отражала взгляды военных специалистов на развитие вооруженных сил и, кроме того, создавала условия для дальнейшей теоретической и практической работы.

Литература

- Берхин 1958 – *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. 459 с.
- Деркачев, Немчанинов 2017 – *Деркачев А.О., Немчанинов А.С.* Военная реформа 1924–1928 гг.: Исторический опыт и уроки // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2017. № 3. С. 85–88.
- Ипполитов, Полторац 2014 – *Ипполитов Г.М., Полторац С.Н.* Военное строительство в советском государстве в 1920-е гг.: Некоторые аспекты многоаспектной научной проблемы // Военная история. 2014. № 12 (96). С. 102–109.
- Кадыров 2017 – *Кадыров Б.Г.* Военная реформа в СССР 1924–1925 годов: сущность и итоги // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. № 11. С. 125–129.
- Осьмачко 2015 – *Осьмачко С.Г.* Советская военная культура (1920–1930-е гг.) и проблемы подготовки военных кадров // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 305–309.
- Черепанов 2021 – *Черепанов А.В.* Реформирование Рабоче-крестьянской Красной Армии в контексте внутривластных дискуссий 1925–1930 гг. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. № 2. С. 11–25.
- Ягловский 1999 – *Ягловский Б.Т.* Военная реформа 1924–1925 годов и современность // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 1 (19). С. 199–203.

История Латинской Америки глазами молодых исследователей

УДК 785(82)
ББК 85.315(7Apr)

Т. Альмейра Хиль

Рок-музыка и ненасильственное сопротивление военной диктатуре в Аргентине (1976–1983 гг.)

Правление военной хунты в Аргентине (1976–1983) ознаменовалось введением жесткой цензуры на произведения культуры. Борьба с «внутренними врагами» привела к ужесточению контроля за массовой культурой: цензурировались книги, фильмы и журналы, в которых содержались какие-либо отсылки на низовую народную культуру Аргентины. Под надзор попала и популярная музыка, в частности рок. Массовая цензура привела к появлению неожиданных форм выражения диссидентских настроений. Рок-музыка начала стремительно развиваться: на фоне цензуры и репрессий молодежь превратила национальную рок-музыку в форму сопротивления и поддержки общественных движений.

Ключевые слова: история, Аргентина, цензура, рок-музыка, национальная идентичность

Государственный переворот 24 марта 1976 г. в Аргентине выделялся из серии военных переворотов, произошедших в стране начиная с 1930 г. Одной из исключительных особенностей периода военной хунты, правившей в 1976–1983 гг., стала беспрецедентная атмосфера террора. Она настолько укоренилась в памяти аргентинцев, что страна посвятила несколько десятилетий пересмотру событий диктатуры и до сих пор пытается разрешить идеологические противоречия, связанные с этим периодом. Дебаты на этот счет между критиками, политиками, учеными, журналистами и гражданами в целом остаются актуальными в повседневной жизни сегодняшней Аргентины. Поиск идентичности как общества, так и нации продолжается посредством

© Хиль Т.А., 2025

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Арктика в лицах: документы Российского государственного архива экономики» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

уже обширной и до сих пор незавершенной дискуссии о значении и последствиях диктатуры.

Среди репрессивных стратегий военной хунты необходимо выделить дезинформацию населения, а также жесткую цензуру в культурной сфере. Однако эффект политической цензуры оказался обратным: артисты, ограниченные в свободе слова, нашли новые творческие способы выражать несогласие и уклоняться от цензуры. Умолчания в литературе, музыке, театральных постановках, эзопов язык и иносказания, которые бросаются в глаза, часто приводили к эффекту, противоположному политическим мотивам цензоров [Haugaard 1996, p. 330]. Поэтому неожиданным эффектом цензурской политики военного режима стало то, что творческие круги акцентировали внимание именно на том, что режим стремился замолчать. С другой стороны, своего рода «тайное соглашение» между автором и читателем породило оригинальный эзопов язык в литературе. Если читатель знал, что определенный текст был опубликован под цензурой, писателю было легче писать между строк, а читателю – легче расшифровать сообщение. То же самое произошло с аргентинской рок-музыкой: музыканты начали кодировать в текстах диссидентские послания таким образом, чтобы их песни не удалось четко идентифицировать как протестные. Тем временем публика, осознавая такие ограничения, пыталась обнаружить в песнях закодированные диссидентские послания; в то же время на концертах молодежь разделяла общественное пространство, где инакомыслие было выражением солидарности.

Однако большая часть населения оставалась в неведении, поскольку они не были постоянными потребителями этого типа культурных тенденций, а также посредственность и социальные нарративы, навязанные режимом, лишали их свободы интерпретации [Favoretto 2010, p. 38].

Таким образом, можно утверждать, что успех цензуры авторитарного режима имел временный характер, поскольку существовавшие практики иносказания, весьма изощренные, не только выходили за рамки единообразного конформизма, на создание которого была направлена цензура, но и способствовали развитию риторических ресурсов с диссидентским политическим содержанием, и обогащали национальную культуру произведениями высокой художественной ценности [Favoretto 2010, p. 39].

Среди молодежи важную роль сыграла рок-культура. Во время диктатуры, когда университеты контролировались военными властями, молодежь нашла в рок-музыке своего рода культурное убежище. Это движение хотя и было насильственно низведено в маргинальное положение, смогло функционировать как пространство взаимного признания и сопротивления. Столкнувшись с невозможностью свободного учреждения молодежных организаций без вмешательства

цензуры, молодое поколение сформировало музыкальное движение с традицией противостояния системе, как область поддержки идентичности в исторический период, когда какое-либо самовыражение воспринималось властями с подозрительностью.

Период 1976–1977 гг. ознаменовался огромным количеством национальных рок-концертов, многие из которых прошли в «Луна-парке», крупнейшем крытом стадионе Буэнос-Айреса. Эти концерты, преследовавшие скорее социальные, нежели музыкальные цели, являлись примером тайного политического акта. Поскольку пространство для политической деятельности оказалось под жестким запретом, концерты стали новой площадкой, где могла собираться молодежь, бросаая вызов идеологии, навязывавшейся политикой режима [Vila 1987, p. 134].

Военное правительство, которое призывало молодое поколение развивать успехи “*Proceso*” (как называли свою политическую доктрину идеологи хунты), в то же время подвергало представителей молодежных движений репрессиям, цензурировало их артистическое и политическое самовыражение и ограничивало свободу слова. Молодежь выбрала рок-музыку своим пространством выражения несогласия. Этому также способствовал тот факт, что политика «Процесса» не сформировала своей собственной выраженной музыкальной идентичности [Pujol 2007, p. 147]. Аргентинская рок-музыка, следуя сложившимся канонам, не была нацелена на танцевальную музыку, а делала больший упор на тексты и иногда на более дерзкие музыкальные эксперименты (т. н. прогрессивный рок). Примечательно то, что этот музыкальный жанр, называвшийся «национальным роком», достиг пика своей популярности во время диктатуры: это было неожиданным последствием многочисленных репрессий, направленных, в первую очередь, на представителей молодежных движений. Своими текстами музыканты создали альтернативную форму протеста и сформировали контркультурное движение, предлагающее наличие идентичности, бросающей вызов идеологии военной диктатуры.

На концертах, как уже говорилось, часто исполнялись запрещенные песни или оригинальные тексты песен, которые приходилось менять при студийной записи. Таким образом, рок-музыка была связана с подрывной (по мнению властей) деятельностью не только содержанием своих текстов, но и вызывающим отношением к государственной цензуре.

Когда адмирал Массера объявляет о связи рок-музыки с подрывной деятельностью [Novaro, Palermo 2006, p. 154], сольные концерты рок-групп становятся небольшими, но рок-субкультура продолжает расти в подполье. Вместо пластинок и кассет, не доходивших до продажи из-за цензуры, распространялись домашние записи и проводились концерты в небольших кафе или подвалах. В контексте периода

военной диктатуры рок-музыка начала восприниматься консервативными политиками как подрывной жанр.

Песни Серу Хирана, написанные Чарли Гарсией, представляли собой закодированную критику режима. Ключевой песней является “Desarma y sangra” (1980), вошедшая в альбом “Bicicleta”, в которой метафоры описывают ситуацию подавления, а цензура предстает персонифицированной в форме «наблюдающего ангела», что наводит на мысль о связи с духовным миром.

Твое время – стекло,
твоя любовь – факир,
мое тело – игла,
твой разум – гобелен.
Если пиявки не могут вам навредить
Нет школы, которая учит как жить.
Бдительный ангел обнаруживает вора,
он режет ему руки,
отнимает у него голос,
люди прячутся
или едва существуют,
Он забывает человека, он забывает Бога.
Я оглядываюсь вокруг,
раны, которые приходят, подозрения, которые уходят
и вот я
думаю о душе, которая думает
и если думает – это не душа,
обезоруживает и истекает кровью¹.

В этот же альбом входит песня “Canción de Alicia en el País” (песня Алисы в стране), которую Гарсиа написал много лет назад, но которая удивительно соответствовала контексту эпохи. Очевидно, слово «чудес» было вырезано из названия автором:

Кто знает, Алиса, эта страна
Была сделана не просто так.
Ты собираешься уйти, ты собираешься выйти
но ты остаешься,
куда еще ты пойдешь?
И здесь, ты знаешь,
скороговорка скороговорка
убийца убивает тебя
и это много для тебя.

¹ Пер. текста авторский. URL: <https://www.lettras.com/seru-giran/483595/> (дата обращения 29.05.2024).

Игра, которая тебя радовала, окончена.
Не рассказывай, что ты видела в садах, сон закончился.
Моржей и черепах больше нет.
Река голов, раздавленная одной ногой.
Они играют в крикет под луной.
Мы на ничейной земле, но она моя.
Невиновные – виноваты, говорит ваша честь,
король мечей.
Не рассказывай о том, что за тем стеклом,
у тебя не будет ни власти,
ни адвокатов, ни свидетелей.
Зажги лампы, а то колдуны
опять думают
затмить наш путь.
Мы на земле каждого. В жизни.
О прошлом и о будущем,
руины на руинах,
дорогая Алиса².

В песне использованы животные из сказки Л. Кэрролла и псевдонимы некоторых политиков того времени. Ведьмы, моржи и черепахи заставили зрителей ассоциировать их с прозвищами Лопеса Реги, Онгании и Илии, широко известных политиков того времени. Марию Эстелу Мартинес де Перон, президента, свергнутую в результате военного переворота, также можно было ассоциировать с фигурой Алисы, смещенной «королем мечей». Он также посоветовал «не рассказывать о том, что вы видели в садах», подражая точному и очень типичному указанию просторечия, сравнимому с аргентинским «не вмешивайся». Примечательно, что, кроме того, сообщение было выделено фразой «у вас не будет ни власти, ни адвокатов, ни свидетелей». Обычному гражданину (представленному фигурой Алисы) не к кому было обратиться. Условиями личной безопасности были лишь скрытность, незнание или анонимность. Как и страна, в которой она жила, аллегория Алисы передала страх и неуверенность.

Песню можно разделить на две части: в первой представлена ситуация. Во втором советовали не рассказывать об увиденном, при этом мелодия менялась, отмечая атмосферу тишины и замкнутости основным малым барабаном, явно намекая на военный марш. Этот контраст между обеими сторонами был почти трагическим.

Важным событием, которое сильно повлияло на распространение национальной рок-музыки, стала Фолклендская война 1982 г. После

² Пер. текста авторский. URL: <https://www.letras.com/seru-giran/483592/> (дата обращения 29.05.2024).

начала военного конфликта был введен запрет на англоязычную музыку, тексты которой понимала очень ограниченная аудитория, знавшая английский язык, в то время как большинство слушателей воспринимало лишь непосредственно музыкальный компонент.

Пустоту на месте англоязычной музыки стремительно заполнила музыка на испанском языке, в частности – аргентинский рок. Используя родной язык, хотя и зашифрованный, но гораздо более понятный, музыкантам удалось охватить намного более широкую аудиторию и продолжить выступать против военного режима и войны. Ирония ситуации заключалась в том, что на смену одной цензуре пришла другая. «Музыку врага» нельзя было распространять, как будто это могло бы повлиять на ход войны за острова, и режим способствовал популяризации аргентинской музыки [Favoretto 2010, p. 276]. Однако выиграли не фольклор и танго, а музыка молодежи, которая до этого подвергалась цензуре и преследованию – рок.

Одним из итогов Фолклендской войны стало падение правительства генерала Галтьери. После поражения новый президент Рейнальдо Биньоне возгласил переход к демократии. С начала конфликта на Фолклендских островах военный режим начал приходить в упадок, и люди получили возможность выражаться более свободно. Национальный рок вырос как жанр, расширялась его аудитория и, вопреки ожиданиям военных, музыканты не высказались в поддержку войны.

Таким образом, в период правления военной диктатуры, вместо того чтобы уменьшаться из-за преследований и цензуры, рок-музыка пережила период подъема. Это произошло по двум фундаментальным причинам: во-первых, потому что из-за цензуры и репрессий молодые люди нашли в национальном рок-движении форму сопротивления и пространство солидарности. Во-вторых, из-за того, что в период Фолклендской войны было запрещено распространение музыки, исполненной на английском языке, открылось пространство для творчества аргентинских групп, ранее занятое англоязычным роком. Эта возможность массового распространения дала толчок развитию аргентинского национального рока, который считался, в том числе, ответом на государственную цензуру.

Пример развития рок-музыки демонстрирует, что культурная политика режима военной диктатуры в Аргентине может быть оценена как провальная. Несмотря на объявление двух войн – внутренней (против подрывной деятельности) и внешней (против Великобритании) и попытки манипулировать мнением молодежи, превратить ее из внутреннего врага в соучастника, культурная борьба, отличающаяся от вооруженной, в большей или меньшей степени была проиграна военными.

Литература

- Favoretto 2010 – *Favoretto M.* Alegoría e ironía bajo censura en la Argentina del Proceso (1976–1983). New York: Edwin Mellen Press, 2010. 293 p.
- Haugaard 1996 – *Haugaard E.* Censorship and the Author. *Paradoxa* 2, 1996. 365 p.
- Novaro, Palermo 2006 – *Novaro M., Palermo V.* La dictadura militar (1976–1983). Del golpe del Estado a la restauración de la democracia // *Estudios Internacionales*. 2006. № 143. P. 154.
- Pujol 2007 – *Pujol S.* Rock y Dictadura / Buenos Aires: Booket, 2007. 296 p.
- Vila 1987 – *Vila P.* Rock nacional and Dictatorship in Argentina // *Latin America*. 1987. № 2. P. 129–148.

Издательский портфель

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-7

М.А. Мухина

Отражение идеи обобществления быта в конструктивизме 1920–1930-х гг.

Статья посвящена эволюции воплощений социалистической идеи обобществления быта с момента ее зарождения и идеологического оформления в эпоху авангарда 1920–1930-х гг. до постепенного преобразования ее достижения из конечной цели в переходный этап на пути к благополучному расселению трудящихся в период хрущевской «оттепели» в соответствии с требованиями времени. Рассмотрены культурные, экономические и социальные аспекты планирования городов в СССР.

Ключевые слова: авангард, архитектура, быт, дом-коммуна, конструктивизм, повседневность, соцгород

Целью настоящего исследования является рассмотрение развития идеи обобществления быта и различных подходов к ней, а также ее воплощений в жилищном строительстве с момента ее зарождения и идеологического обоснования и оформления по настоящее время.

Данная проблема нашла свое отражение в работах как архитекторов – современников конструктивизма, так и в трудах исследователей этой эпохи.

Новые принципы и методы жилищного строительства очень часто являлись предметом для обсуждений после установления советской власти, в этой работе внимание сконцентрировано на статьях непосредственно того периода, опубликованных в журнале «Современная архитектура», полностью посвященном проблеме реорганизации быта в новом государстве. Также затрагивается тема дискуссий об обобществленном быте, изложенная в нем же, и в завершение исследования этого вопроса была взята статья М.Г. Мееровича, В.И. Менюковского, И.Л. Жеребцова «Дискуссия об обобществленном быте», которая рассматривает эту проблему в перспективе, по прошествии многих лет.

Обзор практического обобществления быта выполнен также на основании периодического издания – статей журнала «Строительство Москвы», где архитекторы-авангардисты не только публиковали чертежи и схемы, но и описывали свои успехи в этой области. Для более детального рассмотрения этого вопроса в аспекте крупномасштабного градостроительства на примере Магнитогорска и городов Сибири взята статья М.Г. Мееровича «Соцгорода в Сибири: градостроительная и расселенческая политика в СССР в период индустриализации». Для исследования быта жителей соцгородов-новостроек использована статья Н.Н. Макаровой и Н.В. Черновой «Советские граждане и иностранные специалисты: социально-бытовые условия в новом индустриальном центре (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.)».

Статья В.Н. Горлова «Хрущевские дома-коммуны в 1960-е годы» позволила составить представление о роли и месте идеи обобществления быта в годы активного строительства коммунизма в период «оттепели», а также о ее отражении в действительности тех лет.

Идея обобществления быта к моменту становления конструктивизма была не нова. Переходный период в развитии жилой среды связан с расширением масштабов производства, когда мануфактуры сменились фабриками. Так, первые жилища для рабочих при предприятиях начинают появляться в середине XIX в.: это были бараки с общими спальнями, которые мало отличались от фабричных цехов.

Изменения социально-политической обстановки, связанные с формированием классового сознания фабрично-заводского пролетариата и, как следствие, такими событиями, как Морозовская стачка 1885 г. и революция 1905 г., когда рабочие активно заявляли о своих правах, способствовало качественному улучшению их бытовой жизни.

Так, видя общественные настроения, фабриканты вынуждены были строить уже другое жилье – в зданиях казарм меняется планировка: теперь они строятся в виде «общежитий» коридорного (каморочного) типа с минимальными по площади комнатами и развитой системой социального обслуживания, появляются помещения общих столовых, прачечных, яслей и детских садов. Именно такой вид жилья впоследствии стал прототипом домов-коммун и домов «нового типа».

В первые годы советской власти среди архитекторов еще бытовала дореволюционная концепция города-сада¹, однако вскоре градостроительная политика смещает свой вектор в сторону идеи создания так называемых новых методов архитектурного мышления [Гинзбург

¹ Город-сад – это градостроительная концепция английского социолога Э. Говарда, предполагающая сравнительно уединенное и малоэтажное поселение с обилием парковых комплексов, которое сочетает в себе преимущества города и деревни, при этом не наследуя недостатков ни того ни другого.

1926, с. 1], которые должны опираться в первую очередь на интересы нового социального потребителя архитектуры – класса трудящихся.

Одним из начал, зарожденных Октябрьской революцией, наиболее сильно закрепившимся в искусстве тех лет, безусловно является конструктивизм [Гинзбург 1927, с. 112]. Он был призван работать «сегодня для завтрашнего дня» и должен был избегать всех трафаретов и канонов «вчерашнего дня». Новая архитектура была призвана «сконденсировать в себе новые бытовые взаимоотношения, нарастающие в нашей стране».

Каковы же были реалии «дня сегодняшнего»? Быстрорастущее стремление к коллективизации жизни, жесточайший жилищный кризис (обеспеченность населения жилищем оценивалась в 4–6 кв. м на человека), необходимость наращивать промышленность (в первую очередь путем привлечения новых рабочих рук) [Меерович и др. 2020, с. 7]. Все это придавало остроту вопросам нового строительства.

Государственные деятели и архитекторы яростно боролись за переустройство быта на новых началах: перестройка городов и сел должна была создать непосредственные условия для осуществления коллективного быта, ведь помимо социалистической революции нужна была еще и культурная – превращение принципов максистско-ленинской идеологии в личные убеждения человека.

Так, в 1929 г. выходит книга «Города будущего и организация социалистического быта»² Л.М. Сабсовича, советского экономиста и теоретика градостроительства, сотрудника планового отдела Высшего совета народного хозяйства, где автор рисует картину будущего СССР, в том случае если планы ускоренной индустриализации Сталина будут выполнены. Именно в этой книге идея обобществления быта перестает быть абстрактной, начинает принимать формы практического руководства к созданию будущего проекта города «нового типа».

Тем не менее Л.М. Сабсович был экономистом и «обобществленный быт» рассматривал с точки зрения экономики, то есть как серьезную возможность уменьшения расходов на содержание рабочих и служащих за счет всеобщего привлечения к труду населения городов-новостроек.

В своей брошюре автор резко критикует «мелкобуржуазный быт», взамен его предлагая максимально «обобществить удовлетворение бытовых нужд населения» посредством следующего:

- общественное приготовление пищи (фабрика-кухня);
- общественное питание (столовые, целиком обслуживающие питание населения на манер нынешних домов отдыха);

² Которая также являлась докладом, сделанным Сабсовичем 11.07.1929 на заседании индустриально-технической и социально-культурной секции Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНТСО).

- общественные бани и прачечные;
- механизация и централизация уборки;
- общественное воспитание и обучение молодого поколения, начиная с младенчества и до трудового возраста;
- социальное обеспечение и обобщественное обслуживание всех бытовых нужд трудящихся, выходящих из возраста трудовой повинности;
- полное раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве и о воспитании детей;
- широкое общественное обслуживание культурных потребностей.

То есть все традиционное домашнее хозяйство, с точки зрения Л.М. Сабсовича, должно быть полностью отделено от непосредственного места жительства трудящегося: в этих условиях основным типом домов он видит огромные дома-коммуны, оснащенные всеми коммунальными удобствами, где каждому взрослому обеспечивается комната (дети соответственно проживают отдельно). Его концепция в среде архитекторов тех лет получила название «урбанизация».

В то же время идея Л.М. Сабсовича была не единственной. В оппозиции к нему выступал М.А. Охитович, который выдвинул идею о создании глобальной транспортной сети, вследствие чего расселение должно было осуществляться «не по принципам скопления, а по принципу максимальной свободы, легкости, быстроты сообщения, связи» [Охитович 1929, с. 134]. Эта концепция была названа «дезурбанизацией» и предполагала «уничтожение противоречия между городом и деревней» [Охитович 1929, с. 134], то есть должна была привести к уничтожению зависимости города от деревни как от источника сырья путем уничтожения самих концепций города и деревни. Касательно поиска новых форм быта идея «дезурбанизации» никак не противоречила идее «урбанизации». Вопрос состоял лишь в том, как это реализовать на практике.

М.А. Охитович и Л.М. Сабсович сходились в основном убеждении – ни один из существующих видов поселений не подходит требованиям нового времени, и что «продолжать строить по-старому значит растрачивать сотни миллионов» [Веснин, Гинзбург 1930, с. 4]. Намного легче сразу возвести новый город, полностью соответствующий обозначенным лекалам «обобществления быта», однако необходимо было предпринимать какие-то меры в отношении городов, уже существующих.

Все участники дискуссии, разразившейся между архитекторами-урбанистами и архитекторами-дезурбанистами, безоговорочно разделяли идею о

...выводе из городов по мере истечения амортизационных сроков промышленных предприятий, научных институтов, вузов, лабораторий, которые не связаны сырьевой базой или рынком потребления с этими городами [САСС 1931, с. 99].

Также было принято мнение о том, что необходимо прекратить любое строительство внутри больших городов (таких как Москва, Ленинград или Харьков) и проводить озеленение всех свободных территорий внутри них.

Так или иначе, подобный «раскол» в кругу архитекторов-авангардистов не мог существовать долго, прежде всего в связи с потребностью оперативно начать строительство. Тогда Госплан разработал проект основных положений о строительстве новых городов и о перестройке существующих. Исходя из него, необходимо было «избегать как большой концентрации и скученности населения, так и рассыпного характера стройки в виде мелких домов, разбросанных на большой территории» [Хроника 1930, с. 40]. Концепция Госплана предполагала и отдельные положения об обобществлении быта: так, отмечалась необходимость постройки общих столовых, которые призваны были охватывать полным суточным питанием жителей новых домов, а также детских садов и яслей, работавших круглосуточно и полностью вмещающих всех детей соответствующего возраста из окрестных жилых домов.

Что же касается непосредственно типов жилья, архитекторы той эпохи отмечали, что ни один из существующих («начиная от барских особняков и кончая рабочими “коттеджами” и другими видами “рабочего жилья”» [Вельман 1929, с. 122]) не может ни удовлетворять потребности рабочего (ни бытовые, ни хозяйственные, ни культурные), ни отвечать запросам нового, социалистического общества, так как были порождены на почве буржуазно-капиталистического строя.

Характерным типом построек, появившимся в эпоху конструктивизма, является дом-коммуна – общежитие с частично обобществленными бытовыми функциями (коммунальная столовая, прачечная, иногда ясли и реже клубы – то есть помещения для отдыха). Немногочисленные дома-коммуны, которые были построены в СССР, в основном являются «домами переходного типа», то есть представляют собой «общежития обычного буржуазного типа, с небольшим приложением от социализма» [Вельман 1929, с. 122]. Это приложение от социализма практически не интегрировалось в общий «организм» здания, а только «прирастало», то есть дом мог функционировать и без пространств обобществленного быта. В основном «переходность» дома определялась тем, что комната проектировалась на семью, а не была индивидуальной.

Ярчайшим отражением этих признаков дома «переходного типа» в архитектуре является дом Наркомфина в Москве, построенный в 1930 г. по проекту архитектора М.Я. Гинзбурга, одного из главных идейных оформителей и популяризаторов конструктивизма, для размещения там 50 семей («все еще семейств, в известной мере сохраняющих свое индивидуальное хозяйство» [Гинзбург, Милинис 1929, с. 161]

сотрудников Народного комиссариата финансов. В доме реализованы некоторые элементы нового быта. Он делится на четыре самостоятельных корпуса: жилой, коммунальный центр, «детский дом» (детские ясли и сад), служебный центр (включавший в себя гараж, прачечную и другие общие помещения). Жилой корпус представляет собой прямоугольную ленту с нанизанными на нее «жилыми ячейками», по сути своей двухэтажными коммунальными квартирами с общими помещениями (кухнями-столовыми) на первом ярусе и спальнями на втором. Коммунальный центр включал в себя спортзал с душевыми, раздевалками и уборными, общественную столовую с обслуживающими ее помещениями и читальный зал. Как отмечалось самим автором проекта, такой «переходный дом» наиболее полно отвечал требованиям времени, так как был создан из ячеек, которые по замыслу архитектора Гинзбурга имели своей целью создать возможность постепенного естественного перехода к коммунальному обслуживанию целого ряда функций:

...мы считали совершенно необходимым в нашей работе создание ряда моментов, стимулирующих переход на социально более высокую форму бытового уклада, стимулирующих, но не декретирующих ее [Гинзбург 1929, с. 5].

Архитекторы-авангардисты, однако, не были удовлетворены этим и поэтапно шли к созданию «более коммунального» дома.

Наиболее яркой полной реализацией самых фантастических идей конструктивистов является общежитие студентов текстильного института на ул. Орджоникидзе, построенное по проекту архитектора И.С. Николаева. История этого здания нетипичная – в Москве в 1929 г. Текстильстрою было поручено строительство нескольких студенческих общежитий, и по согласованию с некоторыми студенческими общественными организациями один из этих комплексов должен был стать опытно-показательным студенческим домом-коммуной. Был организован конкурс проектов, победу на котором одержал Николаев. Так, вместо жилой ячейки в студенческом общежитии предусматривалась «спальная кабина» – помещение, предназначенное исключительно для сна и недоступное для пребывания в нем в дневное время (т. к. днем происходит вентиляция). Даже личные вещи проживающего должны были храниться в шкафу в холле за пределами спальной кабины. Подобно помещениям для сна, все остальные помещения также резко дифференцированы по родам бытовых процессов: столовая, кухня, спортзал, изолятор, прачечная, детский сектор, читальный зал, помещения для кружков, комнаты для занятий (со стулом и столом внутри). Как отмечает автор проекта, именно в студенческом жилье открываются наиболее благоприятные возможности создания

жилья коммунального типа из-за общности интересов и в занятиях, и в отдыхе, и в возрасте, и в социальном составе [Николаев 1930, с. 32]. Также И.С. Николаев в своей статье об опыте строительства дома-коммуны предупреждает о преждевременном и механическом переносе опыта постройки этого здания на другие, так как дом-коммуна на улице Орджоникидзе является проектом со своими четко поставленными целями и задачами, реализуемым для определенной социальной группы.

Так или иначе, в этом социальном составе и было препятствие на пути к созданию целых городов из коммунальных домов, ведь существует огромная разница между молодыми студентами, жаждущими объединиться в коммуны, и семейными людьми среднего возраста, которых в коммуны пытались объединить против их воли. Все попытки создания «коллективных домов» в качестве постоянного типа жилья для рабочих и служащих были резко приостановлены постановлением ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта», где, в частности, отмечалось, что «наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей “одним прыжком” перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта». Фактически это постановление закрепило тип «домов переходного типа» как наиболее передовую практику соцрасселения в отдельно взятом доме, одновременно отвечающую не только идеологическим требованиям, но и возможностям широких рабочих масс перестроить свой быт.

Как уже отмечалось, ранние советские проекты застройки касались по большей своей части не отдельных домов – планировалось возвести целые города нового типа, соответствующие в полной мере этим укладам нового, обобществленного (коммунального) быта. Так, опытной площадкой для первого подобного полномасштабного эксперимента было суждено стать месту неподалеку от горы Магнитной на Урале. Там в 1910-х гг. было найдено крупное месторождение железной руды, так необходимой молодому советскому государству для форсированного наращивания тяжелой промышленности.

Новый город было решено назвать Магнитогорском. Он строился посреди степи, а потому позволял воплотить в себе все самые смелые замыслы архитекторов-конструктивистов. Так, в 1929 г. под руководством С.Е. Чернышева началось проектирование поселения при строящемся Магнитогорском металлургическом комбинате, а в 1930 г. был объявлен Всесоюзный конкурс проектов застройки Магнитогорска. Его целью был поиск того образа компактного размещения жилой застройки при огромном металлургическом комбинате и практической формы расселения, которая бы соответствовала социалистическому образу жизни и была рассчитана на максимальное обобществление

бытовых функций. Несмотря на то что ни один из представленных проектов не дал Магнитострою желаемых результатов, опыт был признан положительным.

Уже летом 1930 г. началось строительство первого квартала Магнитогорска. Однако детально разработанный проект социалистического расселения не мог быть реализован в полной мере в условиях приоритетного строительства металлургического завода: реальные условия и обстоятельства возведения соцгорода слабо соответствовали проектным условиям и чертежам. Само понятие градостроительного проекта оказалось условным и размытым.

Так, первые прибывшие на Магнитострой рабочие жили в неудовлетворительных бытовых условиях: изначально людей селили в брезентовые палатки, затем для них возводились бараки [Макарова, Чернова 2014, с. 175]. Поскольку городу было необходимо жилье, в первую очередь возводили дома, строительство же общественных зданий откладывалось на более поздний срок. Тем не менее даже первые заселившиеся в капитальные дома жители также не были обеспечены комфортными бытовыми условиями: в квартирах не было отопления, уборных, даже межкомнатных перегородок. Люди жили в условиях неудовлетворительно организованного снабжения и дефицита товаров народного потребления. Вопросы общественного питания и здравоохранения также не были разрешены должным образом. Общая неустроенность быта и неналаженная система снабжения приводили к преобладанию смертности над рождаемостью в Магнитогорске в годы первой пятилетки.

В условиях неудовлетворенности самых базовых потребностей общества люди стремились обустроиться хоть как-то, не говоря уже о создании своего нового «коллективного» образа жизни.

Эта проблема, к сожалению, стала характерной для соцгородов-новостроек: страна перешла к плану форсированной индустриализации, в связи с этим концепция соцрасселения стала неразрывно связана с наращиванием промышленности, чему, безусловно, отдавался приоритет. Поэтому советское градостроительство 1920–1930-х гг. явилось прямым следствием государственного планирования расчетных мощностей предприятий. Так, город-новостройка стал рассматриваться исключительно как «поселение при заводе», поскольку основная цель индустриализации состояла в наращивании крупного военно-промышленного производства. Распределение средств на жилищное строительство осуществлялось через промышленные и транспортные наркоматы, что приводило к тому, что решение жилищных проблем строителей и работников завода возлагалось на дирекцию градообразующих предприятий [Меерович 2014, с. 124].

В условиях индустриализации соцгорода задумывались как естественная составляющая системы переустройства общества в целом,

а формирование «нового, социалистического, коллективного» быта должно было произойти само по себе. Реальный процесс проектирования новых городов проходил практически «на стройплощадке», подвергаясь влиянию условий конкретного места и времени. Новые города во многом являлись результатом не столько оригинальных задумок архитекторов, сколько оригинальных импровизаций, что тем не менее способствовало появлению новых технологических и инфраструктурных решений.

В таких обстоятельствах никакая концепция по обобществлению быта не могла быть воплощена в жизнь. К тому же и попытки по ее реализации предпринимались довольно сдержанно.

И тем не менее, несмотря на отсутствие успешных примеров воплощения в жизнь, идея преобразования быта советских граждан в соответствии с социалистическими принципами не канула в лету – к ней вернулись уже в начале 1960-х гг. в формате жилого комплекса с развитыми формами общественного обслуживания – т. н. домами нового быта. Но и эта попытка в конце концов не выдержала проверки на практике: эксплуатационные и строительные расходы были слишком велики, а широкая общественность по-прежнему не была готова к такому «новому» образу повседневной жизни [Горлов 2019, с. 158].

С распадом СССР тенденция к обобществлению бытовых функций быстро сменилась стремлением к индивидуализации. Идея сознательного изменения привычного бытового уклада жизни населения стала восприниматься не только как экономически нецелесообразная, но и как несостоятельная в общем смысле этого слова – многие проекты архитекторов-авангардистов так и остались проектами или были воплощены, но лишь частично. А общественные функции уже построенных конструктивистских зданий с течением времени и постепенной сменой градостроительной политики и архитектурных веяний отмирали частично или полностью ввиду своей непродуманности или недоброкачественного исполнения. Однако в последние годы наблюдается интенсивное развитие подходов к реставрации таких строений и адаптации их под потребности современного человека, поскольку дома-коммуны и соцкварталы и сейчас представляют собой яркие памятники архитектуры периода раннего СССР, когда архитекторы стремились отойти от всего привычного и создать совершенно новое жильё для абсолютно нового человека.

Литература

- Вельман 1929 – *Вельман В.* Дом-коммуна // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 122–123.
- Веснин, Гинзбург 1930 – *Веснин А.А., Гинзбург М.Я.* Куда итти? // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 4–6.

- Гинзбург 1927 – *Гинзбург М.Я.* Итоги и перспективы // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 112, 114, 116, 118.
- Гинзбург 1926 – *Гинзбург М.Я.* Новые методы архитектурного мышления // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 1–4.
- Гинзбург 1929 – *Гинзбург М.Я.* Проблемы типизации жилья РСФСР: Доклад на пленуме Стройкома РСФСР // Современная архитектура. 1929. № 1. С. 4–6.
- Гинзбург, Милинис 1929 – *Гинзбург М.Я., Милинис И.Ф.* Дом сотрудников Наркомфина в Москве // Современная архитектура. 1929. № 5. С. 158–164.
- Горлов 2019 – *Горлов В.Н.* Хрущевские дома-коммуны в 1960-е годы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия «История и политические науки». 2019. № 2. С. 155–159.
- Макарова, Чернова 2014 – *Макарова Н.Н., Чернова Н.В.* Советские граждане и иностранные специалисты: социально-бытовые условия в новом индустриальном центре (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 174–183.
- Меерович 2014 – *Меерович М.Г.* Соцгорода в Сибири: градостроительная и расселенческая политика в СССР в период индустриализации // Баландинские чтения. 2014. № 2. С. 121–127.
- Меерович, Меньковский, Жеребцов 2020 – *Меерович М.Г., Меньковский В.И., Жеребцов И.Л.* Дискуссия об «обобщественном быте» // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2020. № 5 (45). С. 5–16.
- Николаев 1930 – *Николаев И.С.* Опытная постройка студенческого дома-коммуны // Строительство Москвы. 1930. № 7. С. 30–33.
- Охитович 1929 – *Охитович М.А.* К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.
- САСС 1931 – САСС (Сектор архитекторов социалистического строительства). На новом этапе. Тезисы // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 97–102.
- Хроника 1930 – Хроника строительства // Строительство Москвы. 1930. № 11. С. 39–40.

Abstracts

Natalia E. Sonicheva

Student project researchers' team "The Arctic in personalities: documents of the Russian State Archive of Economics":
to the history of activity

The article is devoted to analyzing the work of the student project researchers' team "The Arctic in personalities: documents of the Russian State Archive of Economics". On the basis of the historiographical research, lacunas in historical and biographical descriptions of polar explorers of the 1930s were identified and archival heuristic and scientific-creative work was carried out to study the life path of A.I. Mineev, L.K. Shar-Baronov and A.M. Lavrov.

Keywords: Arctic, project team, Aref Ivanovich Mineev, Lev Konstantinovich Shar-Baronov, Aleksey Modestovich Lavrov

Diana V. Kolesnichenko

Arctic exploration in the context of the first Soviet
wintering expeditions: an example of the expedition led
by Aref Ivanovich Mineev

In this article the author, based on archival materials and A.I. Mineev's book of the same name "Five Years on Wrangel Island", gives a detailed review of the wintering expedition from 1929 to 1933, restores the names of other members of the expedition, summarizes the biography of the chief of Wrangel Island A.I. Mineev. The lacunas concerning the daily life of the wintering grounds are restored, special attention is paid to the interaction between the winterers and the natives.

Keywords: Aref Ivanovich Mineev, Konstantin Mikhailovich Zvantsev, Arctic wintering grounds, Wrangel Island, indigenous peoples of the North

Sergei A. Peshekhonov

Becoming a polar captain:
to the biography of L.K. Shar-Baronov

The article is devoted to the history of Arctic exploration based on the sources of personal origin of the Russian State Archive of Economics (RSAE). The article describes the life of polar captain Leon Konstantinovich Shar-Baronov, his first years in the Arctic, his way from cadet to captain.

Keywords: Leon Konstantinovich Shar-Baronov, Arctic, Russian State Archive of Economics, polar voyages, wintering in the Gydan Gulf

Sofia V. Zlodeeva

The Arctic explorer A.M. Lavrov (1887–1942).
Biographical note

This article presents the biography of the outstanding hydrographer and polar explorer Alexey Modestovich Lavrov, who was an active participant of many expeditions in the 20th century aimed at studying the Arctic. His life and work are inextricably linked with the study of this truly unique region, to the development of hydrography and cartography of which he made a significant contribution. An important aspect of the study is the use of scientific papers and documents of personal origin, which have been preserved in the personal collection of the scientist, located in the Russian State Archive of Economics (RSAE). The involved articles, expedition materials, including diaries, handwritten biographies, and maps allow not only to trace his scientific interests and achievements, but also to get a comprehensive view of the scientist's expedition, public and other activities. A.M. Lavrov's works became the basis for further research in the study of seas and rivers, and the data he collected are still relevant for modern scientists. He was engaged not only in scientific research, but also as an active popularizer of science contributed to the dissemination of knowledge about the Arctic, about scientific research conducted by scientists and their importance for the development of national and world science. During his short life A.M. Lavrov had time to take part in the activities of the Arctic Commission of the USSR Academy of Sciences, the State Geographical Society, the International Society for the Study of the Arctic by means of an airship and others. Thus, the study of Alexey Modestovich's personality and his contribution to science opens new horizons for understanding the history of Arctic research and the role of individual personalities.

Keywords: A.M. Lavrov, Arctic, polar expeditions, icebreakers, hydrographic research, RGAE

Vitaly Yu. Pegov

Agrarian question in Russia at the beginning of the XX century
on the pages of the newspaper "Moskovskaya Nedelya"

The article is devoted to the peculiarities of covering the agrarian question in Russia at the beginning of the 20th century in public discussions. The study is based on articles on the agrarian question published in the newspaper "Moskovskaya Nedelya". Particular attention is paid to the differences in the views of public figures on methods for solving the problem, as well as their motivation to criticize government policy in relation to agriculture.

Keywords: agrarian question, agriculture, peasantry, press, liberalism, public opinion, parliament

Timofei V. Kartavykh

The development of the Soviet military theory
in the creative materials of the red commanders

The article is devoted to understanding the experience of the First World War in the works of young Soviet military theorists, first of all, M.N. Tukhachevsky. In the 1920s, the question of the further course of development of the armed forces of the Soviet Union became vital. In addition to purely economic issues, which caused the reduction of the army and the partial transition to a territorial militia system, the military and political leadership was worried about what the future army of the dictatorship of the proletariat should be. Special attention in the work of Soviet military theorists is paid to forecasting and attempts to simulate the appearance of a future armed conflict.

Keywords: Red Army, military reform, NEP, USSR, Civil War, M.N. Tukhachevsky, G.S. Isserson, V.K. Triandafillov

Almeira Gil T.

Rock music and nonviolent resistance
to the military dictatorship in Argentina (1976–1983)

The reign of the Military Junta in Argentina (1976–1983) was marked by the introduction of strict censorship of cultural works. The fight against “internal enemies” led to tighter control over mass culture: books, films and magazines that contained any references to the grassroots popular culture of Argentina were censored. Popular music, particularly rock music, also came under scrutiny. Mass censorship led to the emergence of unexpected forms of dissident expression. Rock music began to develop rapidly: against the backdrop of censorship and repression, young people turned national rock music into a form of resistance and support for social movements.

Keywords: history, Argentina, censorship, rock music, national identity

Margarita A. Mukhina

Reflection of the idea of socialization of everyday life
in constructivism of 1920s–1930s

The article is devoted to the evolution of the embodiments of the socialist idea of socialization of everyday life from the moment of its inception and ideological design in the era of the avant-garde of the 1920s–1930s to the gradual transformation of its achievement from the ultimate goal into a transitional stage on the way to the prosperous settlement of workers during the Khrushchev “thaw” in accordance with the requirements of the time. The cultural, economic and social aspects of urban planning in the USSR are considered.

Keywords: avant-garde, architecture, everyday life, house-commune, constructivism, everyday life, social city

Сведения об авторах

Альмейра Хиль Тэо, студент исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, teoalmeyragil@gmail.com

Злодеева Софья Валерьевна, магистрант факультета архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, szlodeeva@yandex.ru

Картавых Тимофей Витальевич, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, tkartavykh1238@mail.ru

Колесниченко Диана Владиславовна, аспирант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, dianakolesni4enko@yandex.ru

Мухина Маргарита Андреевна, студент факультета архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, margomoon05@gmail.com

Пегов Виталий Юрьевич, магистрант исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, pegovvit01@mail.ru

Пешихонов Сергей Александрович, магистрант факультета архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, speshch@yandex.ru

Сонищева Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения факультета архивоведения и документоведения, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, ns1507@yandex.ru

Data about the authors

Almeira Gil T., student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, teoalmeyrakil@gmail.com

Zlodeeva Sofia V., master's degree student, Faculty of Archival and Documentary Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, szlodeeva@yandex.ru

Kartavykh Timofei V., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, tkartavykh1238@mail.ru

Kolesnichenko Diana V., postgraduate student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dianakolesni4enko@yandex.ru

Mukhina Margarita A., student, Faculty of Archival and Documentary Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, margomoon05@gmail.com

Pegov Vitaly Yu., master's degree student, Faculty of History, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pegovvit01@mail.ru

Peshekhonor Sergei A., master's degree student, Faculty of Archival and Documentary Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, spesheh@yandex.ru

Sonicheva Natalia E., Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Source Studies, Faculty of Archival and Documentary Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ns1507@yandex.ru

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 4,0.
Заказ № 2112

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru